

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Э.Г. Соколова, Б.С. Павлов

**КУЛЬТУРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ
КАК ОБЪЕКТ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

Учебное электронное текстовое издание
Подготовлено кафедрой социальной антропологии и психологии
Научный редактор: д-р соц. н., проф. В.Т. Шапко

Исследование построено на анализе нормативной базы РФ и исследуемых регионов в области социальной, семейной, молодежной и культурной политики.

Материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах по теории и практике социальной работы, управлению социальным развитием организации, социологии, демографии, социальной философии, семьеведению, в научно-консультативной деятельности в процессе переподготовки управленческих кадров на Урале. Содержащиеся в работе материалы могут быть использованы в работе Комитета по труду и социальным вопросам, а также Департаментов социальной защиты населения.

© ГОУ ВПО УГТУ–УПИ
Екатеринбург
2009

Оглавление

Введение	3
1. Теоретико-методологический анализ культуры демографического поведения семьи	9
1.1. «Культура демографического поведения семьи» как социологическая категория.....	9
1.2. Структура культуры демографического поведения семьи	29
1.3. Факторы становления и развития культуры демографического поведения в современной России	37
2. Динамика культуры демографического поведения семьи в условиях современного российского общества	64
2.1. Прогнозирование тенденций в культуре демографического поведения.....	64
2.2. Социокультурные тенденции в репродуктивном поведении семьи .	79
2.3. Культура демографического поведения семьи и процесс социализации детей.....	100
Заключение	128
Библиографический список.....	131

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап кризисного, неустойчивого состояния социально-экономической системы России в целом, равно как и Уральского региона, характеризуют три основные взаимосвязанные и взаимообусловленные негативные тенденции, а именно: а) сужение процесса воспроизводства средств производства и жизненных благ (это преимущественно экономический спад); б) нарушение процесса воспроизводства естественных природных ресурсов (как органических, так и неорганических) и условий жизнедеятельности людей (определенная деградация экосистемы); в) сужение процесса воспроизводства населения (иначе – депопуляция). Третью тенденцию можно рассматривать как закономерное следствие реформ, которые не имеют четкой социальной направленности. При этом демографические показатели могут служить наиболее чуткими социальными индикаторами общественного неблагополучия, важной составляющей которого выступает снижение уровня и качества жизни российского населения.

В настоящее время институт российской семьи переживает кризисный этап своего развития. Достаточно сказать, что с 1993 года естественная убыль населения Российской Федерации находится на стабильно высоком уровне: 0,7–0,9 млн. человек в год (по данным Всероссийской переписи 2002 г., численность населения РФ составила около 145 млн. человек). Резкое падение рождаемости на протяжении последних трех лет следует рассматривать как реакцию семей на ухудшение социально-экономических условий и снижение уровня жизни. При широко распространенной практике регулирования супругами деторождений снижение уровня рождаемости отражает, скорее, не отказ от рождения детей вообще, а откладывание деторождений до более благоприятных времен.

Сужение воспроизводства населения и снижение его качественных характеристик – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической и социально-культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. Снижение качества человеческих ресурсов проявляется в ухудшении основных характеристик состоя-

ния здоровья регионального социума, что отчасти является следствием увеличения экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения, доля которой увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом и Уральского экономического района в частности, роста числа инвалидов и неработающих одиноких женщин с малолетними детьми.

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т. п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Сегодня особого внимания требуют соответствующие программы обеспечения развития новых подходов к гигиеническому и нравственному воспитанию молодежи, особенно подростков, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более.

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения обусловили актуальность вопросов устойчивого и безопасного развития общества. Важнейшим условием безопасного развития общества является формирование генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые для современного этапа развития цивилизованного человеческого сообщества черты работника, гражданина, семьянина.

Общество, безусловно, озабочено данными проблемами, так как от благополучия семьи (особенно молодой, как основного субъекта репродуктивного пове-

дения) во многом зависит стабильность всего государства. Встают вполне закономерные и острые вопросы: как вывести семью из кризиса? Как помочь молодым семьям обрести желанную, как для общества, так и для личности социальную стабильность, благополучие? Как создать в семьях условия и атмосферу для нормального воспроизводства потомства, развития и самореализации личности родителей и их детей?

Изучение этих процессов представляет большой научный интерес не только для исследователей этой проблемы, но и для практики. Иными словами, важно проследить, как зрелая российская семья, сложившаяся в условиях социалистической идеологии, экономики, и молодая, не имеющая такого наследия, проходят адаптацию к новым социально-культурным, политическим и экономическим параметрам жизни последнего десятилетия. Такой анализ создает базу для дальнейшего развития теории семьи и семейных отношений и определяет теоретико-методологическую актуальность данной работы.

Семья, в качестве как социального института, так и малой социальной группы (первичной социальной ячейки общества) в различных аспектах ее жизнедеятельности является, пожалуй, одним из наиболее распространенных объектов внимания социологов.

Для авторской концепции немаловажное значение имеют методологические и общетеоретические исследования института семьи как основного субъекта демографических процессов *с позиций философии, демографии, социологии и психологии*. Прежде всего, специфика функционирования различных типов и групп семей, их социально-демографические характеристики, влияние уровня благосостояния и валеологического самочувствия семейной группы на матримональные и внесемейные ценности и ориентации, на демографическое поведение.

Давая краткую характеристику экономическому положению россиян, что в большей части равнозначно положению российских семей, следует, прежде всего, подчеркнуть, что по-прежнему сохраняется резкое снижение (по сравнению с

концом 80-х годов) производительности общественного труда, разбалансированность экономики, несформированность многих важнейших правовых норм, юридических законов, социальных институтов; ухудшение здоровья нации и генофонда; нарушение процессов демографического движения населения; рост преступности; падение нравственности. Произошло резкое расслоение населения по имущественному положению, уровню доходов и, соответственно, потреблению материальных и духовных благ. Вновь сформированный «средний класс» еще очень немногочислен и нестабилен (достаточно вспомнить разрушительное воздействие на него августовского кризиса 1998 г.).

Падение жизненного уровня широких слоев населения наряду с сокращением воспроизводственного процесса народонаселения (депопуляцией) влечет за собой ряд негативных социальных последствий: снижение или потерю социального статуса, невозможность удовлетворения материальных и духовных потребностей, ухудшение качества жизни и здоровья как его основного показателя.

В свое время классики социально-политической мысли относили семейно-брачные отношения к числу наиболее устойчивых, консервативных отношений, призванных и способных поддерживать и цементировать с помощью традиций и обычаев общественные отношения. Выполнение семьей целого ряда общественно значимых и непреходящих функций (воспроизводства потомства, производства и потребления, поддержания и воспроизводства социально-психологического и нравственно-этического потенциала) обуславливает внимание к проблемам социально-экономического самочувствия российской семьи (в том числе уральской).

Закономерно исследовательское внимание к общим проблемам воспроизводства социального неравенства, бедности, эволюции процессов социально-экономического расслоения российского общества, появления групп семей риска, формирования и проведения социальной политики относительно слабо защищенных групп семей.

Первая постановка вопроса о социологии воспроизводства населения и культурных ценностей принадлежит К. Дэвису [206].

Вместе с тем, необходимо отметить, что работ, посвященных непосредственно социологическому исследованию культуры демографического поведения семьи в конкретных социально-экономических и территориально-поселенческих условиях, автору обнаружить не удалось. Отмечая несомненное позитивное значение предыдущих и реализуемых в настоящее время исследований в рамках социологии семьи, следует учитывать, что ряд важных ее аспектов еще только включается в аналитический процесс. В первую очередь к ним следует отнести культуру демографического поведения семьи, изучение процессов включения элементов культуры в различные стороны и аспекты социально-демографического поведения семьи.

Основной целью данной работы является анализ феномена *культуры демографического поведения семьи* в процессе воспроизводства собственного потомства и общественной жизни в целом.

Плодотворным представляется нам интегративный подход, рассматривающий семью в единстве (социальный институт, малая группа, сфера личной жизнедеятельности), позволяющий описать внутренние и внешние связи, элементную структуру, функции и изменение семьи как системы (Л.Л. Рыбцова, М.С. Мацковский и др.). Он опирается на более общий методологический системный подход (В.Н. Садовский). Системное понимание семьи и семейных процессов, в частности ее демографического поведения, дало возможность объективно оценивать развитие семейных отношений во времени, рассматривать жизненный цикл семьи (Е.Б. Груздева, Л.А. Гордон, Э.В. Клопов), соотносить развитие семьи, ее постоянные динамические изменения с изменением жизненного цикла (Хилл).

Эмпирическую базу работы составили:

1) данные органов государственной статистики РФ и Уральского региона по проблемам семьи, молодежи, демографии, культуры;

2) результаты единовременных специальных исследований, проводимых органами государственной статистики РФ и региональными структурами по проблемам семьи, молодежи, культуры;

3) результаты авторских исследований 2002–2007 гг.

Помимо указанных социологических проектов в работе использовались конкретные эмпирические данные исследований других авторов, отраженные в публикациях, докладах, выступлениях на конгрессах, научно-практических конференциях (региональных, общероссийских, международных), симпозиумах и семинарах, прямо или косвенно связанных с темой исследования.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ

1.1. «Культура демографического поведения семьи» как социологическая категория

Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что современный человек (*Homo sapiens*), представляя собой «совокупность всех общественных отношений», при этом не утратил своего биологического происхождения и, естественно, является носителем телесной организации, которая обуславливает его отношение к другой природе. Возможность жить подразумевает в качестве непреложного первоначального акта факт зачатия и рождения новой жизни, которые происходят в человеческом обществе не в процессе спонтанного общения полов, а в исторически сложившихся и регламентированных обществом формах их взаимоотношений.

Очевидно, не вызывает сомнения и другая посылка: духовное становление человека неразрывно связано с развитием и сохранением его телесной организации. Естественно, что и эта сфера жизнедеятельности людей предполагает уже установившиеся формы и способы удовлетворения их первичных жизненных потребностей, соответствующих тому или иному уровню развития общественных отношений. В материально-воспроизводственную деятельность В.В. Байлук, например, включает «отношения, которые складываются у субъекта в связи с непосредственным производством своей телесной организации путем потребления средств жизни ...», а именно – демографические и здравоохранительные отношения [19, с. 109–110]. В той или иной мере это относится как к той части населения, которая участвует в общественном производительном труде, так и к тем, кто находится на стадии подготовки к вступлению в общественное производство (в одной из первых стадий «производства человека»).

Дальнейшее повышение дееспособности человека во всех сферах его жизнедеятельности продолжает оставаться одной из актуальнейших задач современного

этапа развития человеческого сообщества, в том числе, естественно, российского общества. В реализации этой задачи общество имело и будет иметь резервы. Как отмечал в свое время академик Н.П. Дубинин, «люди еще не научились в полную меру использовать все возможности, которые заложены в биологии человека, для развития его интеллекта, способностей и склонностей» [63, с. 135].

Прохождение индивидом своего жизненного пути, его участие в производительном труде – это не просто поддержание физического существования. В процессе труда человек развивает свои совокупные способности. При этом жизнедеятельность отдельного индивида, работника не обособлена, а органически «вплетена» в целостный процесс общественного производства. В каждый конкретный момент времени мы имеем дело с множеством индивидуально развитых человеческих потенций отдельных работников, являющихся отражением особенностей их онтогенетического развития, которые в своей совокупности дают общие количественные и качественные характеристики конкретного сообщества. Развитие этих совокупных характеристик, с одной стороны, – следствие объективно существующих социологических законов общественного развития, с другой – результат целенаправленной деятельности общества по постоянному воссозданию, возобновлению и воспроизведению этих характеристик на каждом последующем этапе исторического развития. Это дает основание говорить о существовании, с позиций общесоциологической теории, некоего воспроизводственного социально-экономического механизма, который может быть раскрыт через понятие «воспроизводство» [120].

Оптимальное развитие народонаселения страны (региона, муниципального образования) – основа и условие ее хозяйственно-экономического процветания. Население выступает как двухстороннее диалектическое единство, выполняя функции производителя и потребителя производства. Одновременно оно само подлежит воспроизводству.

Вот почему народонаселение прямо и опосредованно влияет на размещение и функционирование общественного производства.

Важным моментом в понимании процессов производства и воспроизводства общества в целом, воспроизводства его отдельных компонентов как в ходе исторического развития (макроуровень), так и в процессе повседневной жизнедеятельности людей (микроуровень) является проникновение в сущность субъектно-объектных отношений, сопровождающих эти процессы. Субъектом общественного производства, как известно, является человек, объединенный в роды, племена, нации, социальные группы, классы и другие общности. Вместе с тем объектом деятельности субъекта выступает, с одной стороны, природа, с другой – общество, общественная система, которую человек преобразует. А так как сам человек, социальные общности составляют главное содержание общественной системы, то, как справедливо отмечает А.К. Уледов, они «являются не только субъектом, но и объектом деятельности» [181, с. 221]. Обозначенное выше методологическое положение имеет особое значение при раскрытии сущности субъектно-объектных отношений членов семейной группы в процессе производства и воспроизводства индивида, личности.

Семья – основной субъект и объект управления демографическими процессами в регионе. Если проанализировать механизм всех сфер функционирования общественной жизни, всех социально-экономических процессов, то мы неминуемо придем к выводу, что семья с ее потребностями и потенциальными возможностями явится одновременно и в качестве *заказчика*, и в качестве *потребителя* всех общественных взаимодействий. Семья опосредует, с одной стороны, влияние общества на индивида (в процессе его онтологического развития и функционирования), с другой стороны, подавляющее большинство индивидов сотрудничают с обществом через семью в процессе реализации ее потребностей и интересов.

Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно

состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности в доминирующем векторе общественного развития, которое определяется потребностями воспроизводства, самосохранения и развития национально-государственного, регионального сообщества.

Небезосновательны поэтому обращения демографов к семье как социальному фактору воспроизводства населения.

Согласно традиции, основанной О. Контом, семья, как основная единица (клеточка) общества и его наиболее устойчивый институт, подвергалась изучению прежде всего с точки зрения ее социализационной функции. Социологи изначально видели в ней ту основу, на которой формируются политические структуры, складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ). Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества, что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое и происходит соединение традиций и новаторства. Тем самым взгляд исследователя фиксировал момент, связанный с особым содержанием жизни семьи, благодаря которому в ней совершается творческая переработка материала действительности [86, с. 53].

Г. Спенсер в своем анализе семьи как одного из главных факторов социальной эволюции продолжил работу, предпринятую Контом. Начиная рассмотрение социальных институтов с института семьи, которому он также отводит ведущую роль в развитии и функционировании социального организма, он углубляет контовское понимание семьи как механизма самоорганизации социума и как фактора обеспечения совместной жизни индивидов и регулирования общественных отно-

шений. Оба представителя классического периода в развитии социологии были едины в понимании того, что реализация социализационной функции семьи начинается с превращения существа асоциального в социальное путем воспитания у индивида способности к совместным действиям с другими людьми. Это фундаментальное положение остается незыблемым для всех остальных этапов развития социологической мысли, ибо в нем фиксируется непреложный факт неустранимости семьи из социальной жизни при любых возможных трансформациях последней [86, с. 54].

Семья, родители, родственники выступают важнейшими (а во многих случаях практически безальтернативными) факторами социализации молодых людей на всех этапах их онтогенетического развития. В период раннего детства родители (в первую очередь, мать), родственники, осуществляющие уход за ребенком и его воспитание, выступают по существу главными агентами социализации. Значительное влияние на формирование человека оказывают семья и другие неинституционализированные объединения (компании друзей, соседи, любительские объединения и т. п.), составляющие среду ближайшего окружения молодых людей и на последующих этапах их взросления. Показательным является хотя бы факт доминирования влияния семьи, родителей, друзей на формирование ценностно-ориентационного блока личности подростка, в частности, на формирование жизненных планов и их реализацию на этапе профессионального обучения.

Семья была, есть и останется в обозримом будущем главным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим не только государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Каждая конкретная семья – это своеобразная живая клеточка общественного организма. И вполне естественно, что социально-экономические болезни, которые переживает сообщество в целом на том или ином этапе своего исторического развития, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, со-

ставляющих это сообщество. «Болеет» общество – «болеет», как правило, и большинство семей, его составляющих.

Социология, при условии что ею занимаются надлежащим образом, отмечает Э. Гидденс, «обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению». И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [47, с. 57].

В узком понимании социология семьи относится к разряду социологической теории среднего уровня, а основным предметом ее исследования выступает не отдельная личность, ассоциированная в семейной группе, а семейная группа в своей общности, в единстве ассоциативных действий, общих ценностных ориентаций, в единстве семейного образа жизни, характерного для этой индивидуальной семейной ячейки. При этом, как свидетельствуют исследования специалистов-семьеведов, успех социологии семьи зависит от того, насколько органично она соединяет три подхода: социально-структурный, культурологический и социально-психологический, изучая в единстве и целостности взаимосвязь родительства-супружества-родства, то есть собственно семью. Другими словами, речь идет о консолидации усилий таких наук, как социальная история, социальная антропология, этнография семьи, социальная психология семьи, семейное право, демография семьи, социология здоровья и некоторые другие [17, с. 21–29].

О правомочности и плодотворности междисциплинарного подхода к проблемам изучения такого целостного феномена, как «семья», свидетельствует хотя бы реализация Научно-исследовательским центром социальной защиты детства,

семейной и демографической политики (позднее преобразованным в НИИ семьи Минсоцзащиты РФ в качестве головного учреждения) научно-исследовательского проекта «Семья» в рамках республиканской комплексной научной программы «Народы России: возрождение и развитие» (1991–1995 гг.). В рамках проекта в исследования были вовлечены демографы и социологи, экономисты и статистики, медики и социальные психологи, педагоги и юристы, которые выделяли в семье свой предмет исследования, ставили свои задачи, решали свои проблемы, используя адекватную совокупность методов, включали полученные результаты в собственную теоретическую систему. «Интеграция информации, методов и выводов разных наук, изучающих семью, давала комплексное представление о ней как о сложной совокупности различных отношений между ее членами, между семьей и обществом, между домохозяйством и экономической системой» [65, с. 5].

Интерес к познанию феномена культуры определяется различными обстоятельствами: необходимостью преобразования окружающей среды, совершенствования социальных институтов, повышения производительной силы сообщества, оптимизации бытового уклада и др. Поэтому вполне объяснимым становится стремление исследователей выявить потенциал культуры какого-либо феномена, его внутренние резервы, отыскать возможности ее активизации. В связи с этим можно рассматривать культуру, социокультурные признаки как условие и средство человеческой самореализации, как средство влияния на социально-историческую динамику развития территориально-производственной общности в целом или отдельных ее составляющих.

Прежде всего, попытаемся хотя бы кратко обратиться к анализу сущностных характеристик такого многосложного объекта, как культура. Как известно, в своем этимологическом значении понятие «культура» восходит к античности (в первоначальном значении – «возделывание», «обработка», в более позднее время – «почитание», «поклонение»). И лишь в XVII в. в качестве самостоятельного понятия «культура» получило ценностную окраску и стало употребляться (в трудах немец-

кого юриста и историографа С. Пуфендорфа) в современном его значении как нечто положительное, что возвышает человека, выступая как результат человеческих свершений, дополняющих его внешнюю и внутреннюю природу [54, с. 10]. В американской социологии мы, в частности, встречаем определения культуры, в которых особое значение приобретают процессы социального наследования и традиции. К примеру, известный лингвист Э. Сепир определяет этот феномен так: «Культура – это социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни» [77, с. 16].

В классификации американских культуроведов А. Кребера и К. Клакхона, длительное время изучавших явление культуры и основывающихся на подходах, принятых в англо-американской литературе, один из выделенных типов подходов к определению понятия «культура» базируется на нормативных определениях, к которым, с одной стороны, относятся определения, ориентирующиеся на идею образа жизни, с другой – определения, ориентирующиеся на представления об идеалах и ценностях. Например, К. Уислер, представляющий первое направление, пишет: «Образ жизни, которому следует община или племя, считается культурой... Культура племени есть совокупность стандартизированных верований и практик, которым следует племя». В качестве примера второго могут быть приведены два определения: философа Т. Карвера, который считает, что «культура – это выход избыточной человеческой энергии в постоянной реализации высших способностей человека», и социолога У. Томаса, полагающего, что «культура – это материальные и социальные ценности любой группы людей (институты, обычаи, установки, поведенческие реакции), независимо от того, идет ли речь о дикарях или цивилизованных людях» [77, с. 15–17].

Известный американский социолог и культуролог Н. Смелзер считает, что современное научное определение феномена «культура» «символизирует убеждения, ценности и выразительные средства (применяемые в искусстве и литературе), которые являются общими для какой-то группы; они служат для упорядочения

опыта и регулирования поведения членов этой группы» [154, с. 41]. В свою очередь, английский социолог Э. Гидденс полагает, что культура содержит ценности, созданные отдельными группами, нормы, которым они следуют в жизни, материальные вещи, которые производят люди, а К. Гиртц называет культуру «системой регулирующих механизмов, включающей планы, рецепты, правила, инструкции... которые служат для управления поведением» [48, с. 82].

В русской лексике понятие «культура», по мнению лингвистов, появилось в середине XIX в. в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова. В середине XIX в. замечательный знаток русского языка В.И. Даль в своем толковом словаре характеризует слово «культура» через понятия умственного и нравственного образования, и только к концу XIX в. оно стало употребляться постоянно [88, с. 557–558]. Несколько позднее, в 1890 г., Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в своем энциклопедическом словаре дают определение культуры следующим образом: «Во-первых, под культурой подразумевается известная степень образованности... в том же смысле употребляются выражения, такие, как «культурный человек», «культурные привычки» и др. Другое, более широкое употребление слова придает культуре значение быта вообще или внутреннего состояния... Если говорить о культуре в более узком смысле, то под ним подразумевается обычно культура духовная» [89, с. 6].

Культурологи выделяют в настоящее время следующие взаимосвязанные характеристики культуры как особого феномена общественной жизни: во-первых, культура как процесс активной деятельности человека, направленной на освоение, познание и преобразование мира, чье отражение в чувствах, идеях людей, в их индивидуальном и общественном сознании представляет ее *гносеологический* аспект. Во-вторых, совокупность достигнутых в процессе освоения мира материальных и духовных ценностей – *аксиологический* аспект культуры. В-третьих, культура как важнейший фактор духовного развития человека, раскрытия его творческих способностей – *гуманистический* аспект. В-четвертых, культура как средство регули-

рования социальных отношений людей в обществе, его стабильности – *соционормативный* аспект. И в-пятых, *социальный* аспект культуры – процесс взаимосвязи явлений культуры с социально-экономическими отношениями [90, с. 58–59].

По мнению А.Я. Флиера, основным формообразующим фактором всякой культуры является социальный порядок, базирующийся на том или ином типе социальной солидарности, а поддержание этого социального порядка, «его манифестация в различных «культурных текстах» интеллектуального, художественного, идеологического и иного толка, а также его воспроизводство в социокультурных установлениях и нормах существования следующих поколений и является, по существу, культурной жизнью данного общества» [187, с. 167]. Именно в силу своей деятельностной сущности культура выступает в качестве межсубъективной социальной реальности, которая оказывает формирующее воздействие на духовный мир и физическое состояние общества, социальной группы, человека, «приобретает свое воплощение в совершенствовании производства и потребления, в оптимизации этих процессов и способа разрешения противоречия между ними, в повышении качества жизни общества без ущерба для природной среды» [12, с. 33].

Можно утверждать, что культура появляется там, где люди пытаются договориться между собой о приемлемых правилах общежития, той или иной деятельности, общих мировоззренческих и нравственных взглядах и суждениях, моральных и эстетических оценках, о системе ценностей и т. п. В силу этого культура в обязательном порядке является продуктом социальной коммуникации, информационных связей между людьми, общего языка и взаимопонимания. В силу этого всякая культура начинается с выработки основ разговорного языка, правил взаимного уважения (или неуважения: упорядоченный антагонизм является точно такой же культурой, как и упорядоченная комплементарность) [187, с. 176].

Как основополагающий первичный компонент структуры общества, семья фокусирует в себе те социальные достижения (или недостатки, просчеты), которые характеризуют развитие данного общества. Исходя из этого, на примере ана-

лиза семейных отношений можно судить о благополучии и социальном здоровье общества в определенный момент его развития. Таким образом, переходный исторический период, в хронологических рамках которого живет сегодня Россия, а с ней и российская семья, формирует новые, доселе неизвестные социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп в этих условиях. Изучение этих процессов представляет большой научный интерес для исследователей в рамках социологии семьи.

Важно понимание и другого обстоятельства. Рассмотрение такого специфического предмета исследования, как культура демографического поведения семьи, через призму общей социологии семьи как самостоятельной отрасли социологии не исключает необходимости обращения к смежным социальным наукам, изучающим те или иные стороны жизнедеятельности этой малой группы. Речь идет о таких науках, как социальная история, социальная антропология, этнография семьи, социальная психология семьи, семейное право, демография семьи, социология здоровья и некоторые другие. При этом, как свидетельствуют исследования специалистов-семьеведов, успех социологии семьи зависит от того, насколько органично она соединяет три подхода: социально-структурный, культурологический и социально-психологический, изучая в единстве и целостности взаимосвязь родительства–супружества–родства, то есть собственно семью [17, с. 29].

Для последующего понимания сути предпринятого нами исследования важным представляется следующее методологическое положение. В развитии института семьи, в частности, в развитии семейной культуры, как во времени, так и в пространстве, сочетается диалектическое единство общего, особенного и частного. *Общим* для всех семей мирового сообщества является выполнение основополагающей функции – детовоспроизводственной, отношения между поколениями, процесс преемственности. *Особенное* проявляется в особых условиях развития семей в разных странах, на разных континентах, в различных природно-климатических зонах: это условия экономические, культурные, этнические, при-

родно-географические, исторические и т. д. И, наконец, *частное* связано с особенностями конкретных условий бытия, особенностями судьбы конкретных семей, психологическими складами характеров, жизненных ситуаций, производственной биографии, здоровьем членов семьи и т. д.

В целом культуру семьи можно представить как обусловленный общественными отношениями способ и меру реализации во всех сторонах ее деятельности сущностных сил и творческих способностей как отдельных членов семьи, так и семейного коллектива в целом. При этом социокультурные условия реализации культуры труда и быта семьи, «благоприятный морально-психологический климат, – по мнению С.А. Анисимова, – оказывают культуруформирующее воздействие на человека, во многом определяют ценностные ориентиры деятельности индивида в других социальных группах, в сферах общественного производства и потребления: производственном коллективе, политической партии, любительском творческом объединении» [12, с. 21].

Культура демографического поведения семьи, также как и культура семьи в целом, есть отражение многоаспектности и взаимообусловленности целого пучка социальных функций, которые призвана выполнять семья в процессе непосредственного воспроизводства индивидуальной общественной жизни. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить целый ряд функций современной семьи [203, с. 664–665]:

- 1) репродуктивная;
- 2) воспитательная;
- 3) хозяйственно-бытовая;
- 4) экономическая;
- 5) сфера первичного социального контроля;
- 6) духовного общения;
- 7) социально-статусная;
- 8) досуговая;

9) эмоциональная;

10) сексуальная.

При всей многоплановости и кажущейся всеохватности выделенными десятью функциями различных сторон жизнедеятельности семьи эта классификация представляется нам неполной. В число важных функций современной семьи правомочно, по нашему мнению, включить еще и такие функции:

1) рекреативная;

2) функция информации;

3) защитная.

Выполнение последней подразумевает защиту индивида семьей и самозащиту семьи в целом от внешних посягательств криминальных элементов на жизнь, здоровье и имущество семейных граждан.

Следует подчеркнуть, что функции семьи как социального института обусловлены исторически, являются во многом детерминантой социально-экономических условий бытия и трансформируются как по набору, так и по их иерархичности. По мере цивилизованной эволюции общества в развитии института семьи все более актуализируются функции, связанные с общением, эмоциональными отношениями супругов, родителей и детей, взаимопомощью, обеспечением информацией и самозащитой.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют функции семьи, связанные не столько с ее материально-экономическим жизнеобеспечением, сколько с *демографическим поведением семьи*, в частности, не только с процессом физического воспроизводства новой жизни, но и с воссозданием в детях тех качеств личности, которые в большей мере соответствуют личным, семейным и общественным интересам и потребностям, т. е. репродуктивная и воспитательная функции. Последнюю мы можем отнести к процессу семейной социализации, в современной социологии семьи эту функцию рассматривают двояко: с одной стороны, как подготовку к будущим семейным ролям, а с другой – как влияние, ока-

зываемое семьей на формирование социально-профессионально-компетентной, зрелой личности [36, с. 121].

«Демографическое поведение, – пишут А.Г. Вишневский и И.С. Кон, – это социальное поведение. Любые демографические процессы – суть аспекты или индикаторы некоторого образа жизни, которые могут быть поняты только в связи с ним» [31, с. 5]. Демографическое поведение можно трактовать как «систему действий и отношений, опосредующих достижение того или иного результата в отношении деторождений, брачный статус, здоровье и продолжительность жизни» [57, с. 208]. В нашем исследовании нас интересуют соционормативный и ценностный аспекты этой системы действий и отношений в современной семье.

При социологическом анализе определенных предметов и объектов исследователь вынужден редуцировать многосложный феномен «культура» по ряду составляющих явлений культуры, которые можно зафиксировать, измерить и эмпирически сопоставить. Дефиницию «культура демографического поведения семьи» можно рассматривать в двух плоскостях:

1. *Горизонтальная* – отражающая многоаспектность жизнедеятельности семейной группы в процессе ежедневного (постоянного) воспроизводства ею палитры жизненных проявлений, реализации семьей, отдельными ее членами комплекса функций, предпосланных этому общественному образованию в качестве специфического социального института.

Культура демографического поведения семьи может быть редуцирована как культура быта, культура межличностного общения, культура питания, физическая культура семьи, культура образовательной деятельности, культура информационной деятельности, культура домашнего труда и т. д. К наиболее существенным составляющим культуры демографического поведения семьи следует в первую очередь отнести культуру деятельности семейной группы, связанной с выполнением ею репродуктивной и социализационной (воспитательной) функций.

2. *Вертикальная* – отражающая прохождение семьей этапов своего жизненного развития (предбрачие, молодая семья, зрелая семья с детьми, сложная трехпоколенная семья, семья престарелых супругов, живущая без детей).

В качестве составляющих культуры демографического поведения в процессе онтогенетического развития индивидуальной семейной группы, обеспечивающих ее стабильность и выполнение основных социальных функций, можно выделить следующее:

- культура предбрачного поведения;
- культура воспроизводства семейных традиций и обычаев. Следует учитывать, что формирование демографической культуры семьи как в фило-, так и онтогенезе – плод долговременного воздействия традиционности и новаций;
- педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
- культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
- культура консолидации родства и воспроизводства родственных связей;
- культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
- культура миграционной подвижности;
- культура старения и доживания.

Особенностью формирования и реализации демографической культуры семьи является то, что, будучи поливариантной и многофункциональной, она не представляет собой социальную организацию или систему социальных институтов, т. е. не имеет институционального закрепления.

«В культурологи, – пишет А.Я. Флиер, – одним из наиболее распространенных членений деятельности является деление ее по полученному результату на материально-производственную, социально-организационную, интеллектуальную и художественную» [187, с 169]. При этом, систематизируя виды и типы человеческой деятельности, А.Я. Флиер в особый вид выделяет *социально-производственную деятельность, связанную не с физическим рождением но-*

вых поколений, а с их воспитанием, образованием, приобщением к традициям и прочими механизмами социализации и инкультурации, а в конечном счете – с социальным воспроизводством самого общества как культурной целостности), а также некоторые другие виды деятельности» [187, с. 172].

Характерно, что в этой же работе А.Я. Флиер пишет: *«Всякая человеческая деятельность по своей мотивации, технологиям и преследуемым результатам обязательно культурна, связана с вопросами прямого или опосредованного взаимодействия с социальным окружением, является актом, обязательно аксиологически окрашенным (измеряемым ценностно) и имеющим символическое значение (способное быть «прочитанным как текст», передаваемый одним человеком другим людям) [187, с. 17. Выделено нами – Э. К. 1].*

Важно здесь подчеркнуть и другое. Многоаспектность феномена культуры демографического поведения семейной группы детерминирует и многоаспектность исследовательского поиска путей и средств облагораживания и развития этой составляющей семейной культуры. Например, В.Д. Баранова целью своей диссертационной работы поставила *«выявить основные предпосылки стабилизации молодых семей, разработать многофакторную модель их устойчивости, определить пути оптимизации культуры взаимоотношений молодых супругов» [24, с. 8].*

Понятие «культурный уровень» можно представить как сравнительную характеристику культуры разных социальных субъектов, процессов или культурных изменений одного или нескольких социальных субъектов во времени. *«Сравниваться по культурному уровню без предварительных условий могут только однотипные субъекты культуры, социальные группы или социальные процессы. Культурный уровень можно представить как отношение культуры одного социального субъекта к культуре другого субъекта или других субъектов или к своему собственному состоянию культуры в прошлом или ожидаемому в будущем. Критерии культурного уровня представляют собой, по сути, ценностный вектор шкалы, по которой ранжируются показатели культуры...» [12, с. 19–20].*

Точками отсчета на этой шкале могут быть показатели безопасности, приемлемого риска, опасности для личности, семьи, общества тех или иных феноменов культуры, способных привести к состояниям от упадка и гибели до процветания [208].

Культура демографического поведения семьи может быть представлена как степень соответствия социальных норм, ценностей, ориентаций, установок, поведенческих актов семейной группы основным потребностям общественного развития в сфере воспроизводства населения.

Характер демографического поведения семьи, его соответствие текущим и перспективным целям цивилизованного развития российского сообщества, потребностям расширенного воспроизводственного процесса обусловлены, в первую очередь, уровнем ее культуры, обеспечивающей достижение общественно значимых целей в воспроизводстве индивидуальной и общественной жизни.

Исследователи выделяют следующие виды демографического поведения, культурные аспекты которых требуют рассмотрения: репродуктивное, самосохранительное, контрацептивное, миграционное, а также нутриетивное, лактационное, абортное поведение [85].

При этом важной особенностью демографического поведения является его многоаспектность и наличие существенного интервала между поведенческим актом и его общественно значимыми результатами.

На протяжении исторического времени институт семьи прошел долгий, трудный и тернистый путь воспроизводства, сохранения и развития. Войны, эпидемии, природные катаклизмы в первую очередь влияли на семью, женщин, детей, подрывая основы благополучия, безопасности, стабильности этой первичной социальной ячейки. Несмотря на такие, казалось бы, деструктивные исторические условия, семья как социальный институт выдержала проверку тысячелетним испытательным сроком, сохранив на протяжении 5–7 тысяч лет свои основные функции (в первую очередь – детовоспроизводственную) и основные факторы

(узы), скрепляющие этот семейный союз (в первую очередь – это индивидуальная половая любовь и привязанность, взаимная любовь и привязанность родителей и детей, взаимная ответственность членов семьи и др.).

Анализируя стабилизирующие (относимые, прежде всего, к разряду культуровоспроизводящих) и деструктивные (как правило, имеющие асоциальный характер) элементы культуры демографического поведения семьи, мы, очевидно, должны попытаться выделить его наиболее существенные признаки. Нарушение, деформация этих признаков является основой деструктивных процессов в повседневной жизнедеятельности и в конечном итоге – в общем процессе фило- и онтогенетического развития семейной группы.

Во-первых, основной духовной ценностью, интегрирующей отдельных индивидов в общий семейный союз, является чувство кровнородственной близости, детерминирующей возникновение между ними взаимной моральной ответственности. По поводу семьи в свое время Гегель писал, что «это не просто естественный, животный союз и не просто гражданский договор, а прежде всего моральный союз, возникающий на основе взаимной любви и доверия». Подчеркивая высокое духовное сплочение членов семьи, он далее говорил: «семья по существу составляет только одну субстанцию, только одно лицо» [45, с. 68].

Следует особо отметить, что моральная ответственность членов семьи сочетается с юридически закрепленной ответственностью, фиксируемой институтом брака, правами детей, родителей, родственников. В статье 38 Конституции Российской Федерации записано:

1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.
2. Забота о детях, их воспитании – равное право и обязанность родителей.
3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях [1, с 13].

Во-вторых, одна из главных социальных функций семьи – воспроизводство населения и первичная социализация нового поколения – предопределяет присут-

ствие во взаимоотношениях семьи не только таких важных моментов, как материальная и моральная забота друг о друге, но и создание, сохранение и передачу специфических семейных духовных ценностей: супружескую и родительскую любовь, уважение, почитание и любовь детей к родителям. «Семейная жизнь, – отмечал К. Маркс, – становится... жизненным проявлением любви» [99, т. 1, с. 334]. Общение в семье людей разных поколений («сын – отец – дед»), разных полов, своеобразие эмоциональной окраски такого общения дают основание классифицировать эту социально-бытовую общность как определенную неформальную, интимную, социально-психологическую группу.

В-третьих, члены семьи связаны общностью быта, т. е. единым жилищем, сравнительно близкой идентичностью удовлетворения большинства хозяйственно-бытовых нужд, определенным кругом общих предметов обихода и т. д. Это, в свою очередь, является существенным фактором, влияющим на формирование у них в какой-то степени идентичных потребностей, стандартов, критериев, ценностных ориентаций.

В-четвертых, как отмечал Гегель, «семья в качестве лица имеет свою внешнюю реальность в некоторой собственности; в собственности она обладает наличным бытием своей субстанциональной личности как в некотором имуществе» [46, с. 200]. В той мере, в какой современная российская семья сохраняет и развивает свой хозяйственно-имущественный и производственно-экономический потенциал (единый бюджет, общее имущество, накопленный капитал, ведение домашнего хозяйства, организация потребления и накопления, институт наследования), в той мере эта материальная основа обуславливает специфику семейных взаимоотношений, накладывает дополнительные обязанности и права. С одной стороны, материальная база семьи предопределяет поддержку, помощь и сотрудничество членов семьи как в духовном, так и в материальном плане, с другой – при определенных обстоятельствах она становится причиной конфликтов, конфронтации, вражды и озлобленности, отчуждения и разобщенности семейной группы, родственных связей.

В-пятых, в силу своей социально-функциональной предопределенности (в первую очередь, обусловленной потребностью в воспроизводстве и социализации потомства) культуру демографического поведения семьи отличает большая устойчивость (по сравнению с другими: производственной, досуговой и др.), вследствие чего она воздействует на многие важнейшие стороны жизнедеятельности своих членов, и проявляется в виде возможности социального (семейного) контроля над многими аспектами их поведения в течение продолжительного периода жизненного цикла индивида.

И, наконец, в-шестых, весьма плодотворны для изучения культуры семьи методологические подходы социальной философии М. Вебера и в первую очередь его идея рационализации социальной жизни, предполагающей возможность оптимизации межчеловеческих взаимоотношений и культуры семейных отношений, выделение специфики человеческого поведения, отличающегося осознанностью и учетом ожиданий (в рамках так называемой «понимающей социологии»). По мнению немецкого социолога, существует общественный целерациональный стержень, который традиционно воспроизводит усилиями всех членов семьи некую норму семейного бытия. При этом ценностно-рациональное действие раскрывает арсенал средств достижения целей через ценностно-нравственные ориентиры, среди которых наибольшее значение имеют представления о человеческом достоинстве, красоте, благочестии, правах человека и т. д. Этот тип социального поведения особенно важен в системе семейного воспитания для выработки у подрастающих поколений чувства справедливости, долга, чистоты убеждений, сострадания и т. д.

В свою очередь традиционное поведение основано на привычке, отличается автоматизмом и минимально опосредовано мысленным целеполаганием. Традиционное поведение связано с принципом «так надо». Традиционное действие диктуется однажды усвоенной традиционной установкой, основанной на обычае, общепринятых в повседневном поведении людей нормах. Традиционное поведение

особенно свойственно семейной сфере взаимодействия людей. Традиционное поведение окрашивает семейные отношения в национальные и субкультурные краски. Традиционное поведение личности вырабатывается в процессе семейной социализации [196, с. 11–13].

1.2. Структура культуры демографического поведения семьи

Культура демографического поведения связана в первую очередь с культурой сохранения и воспроизводства физического здоровья. По мнению Н.М. Римашевской, демографический кризис, который переживает Россия в последнее десятилетие, проявляется не только в процессе естественной убыли населения, в результате которой за истекшие семь лет страна потеряла 5 млн. человек. Более существенным является снижение качественных параметров российского населения. По данным ЮНДП, ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала) в России неумолимо падает. В 1992 г. он составлял 0,848, а в 1996 г. – уже 0,780, т. е. за четыре года упал на 10 % – в основном за счет снижения показателя предстоящей жизни и ВВП на душу населения [141, с. 169]. При этом следует осознавать, что именно институту семьи в конечном итоге принадлежит ведущая роль в формировании здорового поколения, здорового образа жизни нации.

Проблема здоровья в семьях уральцев (по их оценке) в иерархии острых проблем, стоящих перед семьями в настоящее время, выходит на вторую позицию (после проблемы дороговизны, нехватки денежных средств).

Общая тенденция динамики смертности населения страны характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых около 80 % составляют мужчины. Уровень смертности среди мужчин в четыре раза выше, чем среди женщин, и в два–четыре раза выше аналогичного показателя в развитых странах. Состояние здоровья и уровень смертности отражаются на показателях ожидаемой продолжительности жизни населения страны, которая в настоящее время составляет 65,9 года (в 1992 году – 68,8 года). Ожидаемая продолжитель-

ность жизни мужчин на 12 лет ниже, чем у женщин. При сохранении имеющегося на сегодня уровня смертности российского населения, доживут до 60 лет лишь 58 % мужчин [3]. По оценкам экспертов, 70 % населения живет в состоянии затяжного психоэмоционального стресса, вызывающего рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и психосоматических расстройств [142, с. 169].

Ситуация, сложившаяся в области здоровья, культуры здоровья населения, представляет опасность для выживания и активного развития России. Каждое следующее поколение россиян рождается менее здоровым и менее жизнеспособным [106, с. 122–123].

Реформа системы здравоохранения, перенос ответственности за состояние здоровья с государства на самих граждан повлияли на *адаптационное, самосохранительное поведение* населения. Можно предположить, что на адаптационное поведение влияют особенности российской культуры в области отношения к здоровью. У части населения культура отношения к здоровью будет меняться, например, у людей достижительского типа: возможны большие расходы на поддержание здоровья, правильное и качественное питание, занятия спортом, полноценный отдых. Для этой части населения значимость здоровья повысится и в инструментальном, и в терминальном значении. Для другой части, не имеющей материальных и психологических ресурсов, будет характерно *деградационное поведение*, в том числе по отношению к здоровью [106, с. 122].

Другой элемент культуры демографического поведения – культура межличностных отношений. Если обратиться к теме социальной солидарности в социологической теории Э. Дюркгейма, то мы должны признать, что без солидарности общество и его институты (включая, естественно, семью) теряют устойчивость. Социальный институт семьи, по мнению французского социолога, обладая такой же высокой прочностью и устойчивостью, как сама природа, в то же время исключает произвольное манипулирование им. Нарушение общественной солидарности, по Э. Дюркгейму, происходит в условиях так называемой аномии, детер-

минируемой кризиса социальной системы, сопровождающимся резко прерывистостью ее традиционного хода развития, разрушением старых и отсутствием новых ценностей, создающих в свою очередь своеобразный общественный вакуум, социальную воронку, в которой исчезает социальная солидарность [196, с. 11].

О состоянии культуры межличностных отношений в семье и семейной солидарности можно судить по данным одного из наших опросов. Вопрос в анкете формулировался следующим образом: «У Вас наверняка бывают доверительные беседы со своими семейными друзьями, подругами. Не могли бы Вы ответить на следующий вопрос: сталкиваются ли Ваши подруги (друзья) в своей семейной жизни с насилием, оскорблениями разного рода со стороны своего супруга (супруги)? Если такое есть, то в какой форме?». Результаты ответов отражены на рис. 1.

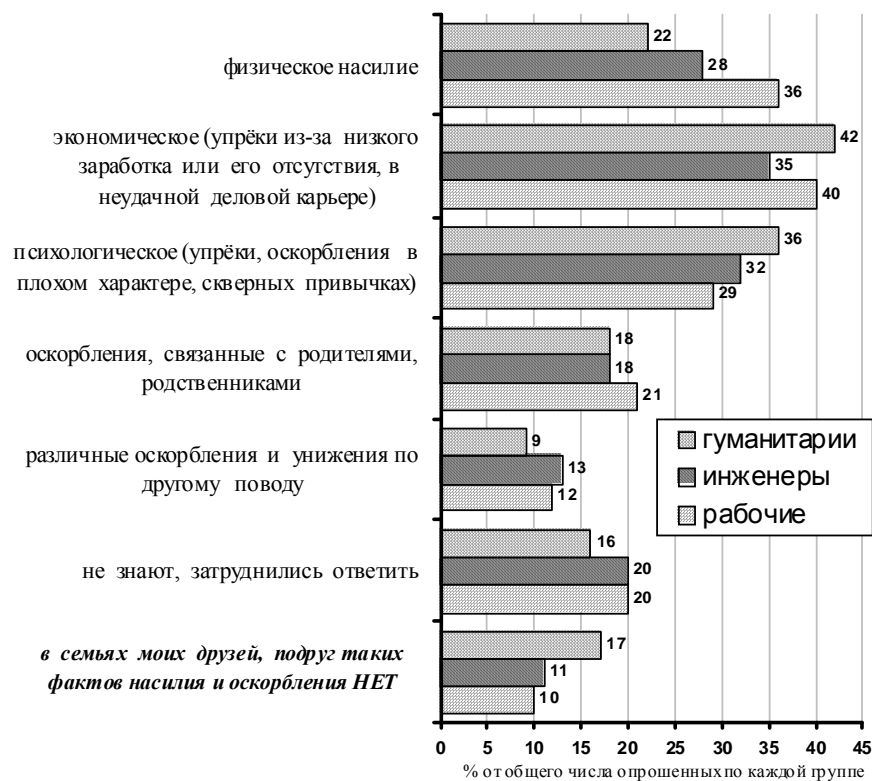

Рис. 1. Распространение различных форм конфликтов и насилия в семьях различной социальной принадлежности

Культура межличностных отношений семьи невозможна без взаимной любви ее членов. На условной шкале опасности / безопасности семейные отношения,

пронизанные любовью, несомненно, находятся в секторе безопасности семьи и ее членов, об этом же свидетельствует и исторический опыт поколений.

По мере утверждения в отношениях полов моногамии любовь превращается из простого естественного влечения в специфическое человеческое чувство.

«Любовь, – пишет Р. Нойберт, – представляет собой очевидное преодоление человеком чисто инстинктивного начала, она являет собой наилучший пример развития человеческого из животного. Любовная жизнь человека и поныне охватывает все низменные и в то же время все высокие проявления человеческой природы, начиная от бессмысленного удовлетворения самого инстинкта до полного отказа от него во имя самой глубокой любви. Между этими крайними точками находится та широкая сфера счастливого удовлетворения, которое мы называем счастьем в любви и браке» [111, с. 171].

Данные нашего исследования показывают довольно высокий уровень конфликтности в семье, что позволяет сделать вывод об определенной девальвации ценности любви для членов современной семьи и ее роли в семейной жизни.

Вне сомнения, к культуре демографического поведения следует отнести *традиции, обряды и культовые действия*, сопровождающие образование семьи и ее развитие. В их числе, прежде всего, предсвадебные обряды, обряд свадьбы, брачного торжества, обряды, связанные с рождением детей, их совершеннолетием, обряды, фиксирующие прохождение индивидом или семьей в целом какого-то определенного периода жизненного пути (дни рождения, годовщины свадьбы), и, наконец, обряды, связанные со смертью человека, воспроизводством и поддержанием памяти о нем в сознании живущих родственников, близких и других людей. Определенную роль в культуре демографического поведения играют религиозные представления, однако доминирующими они являются в настоящее время только у верующей части населения, о чем с сожалением писал в начале XX в. П.А. Сорокин: «Не будет преувеличением, если я скажу, что одной из главных основ семьи и брака была религия и ее покровительство браку и семье как религиоз-

ному, священному установлению. На этом основании брак был объявлен «тайнством», семья – учреждением божества, охраняемым церковью и государством, посягательства против нее – грехом и великим преступлением. Весь авторитет церкви, вся ее святость и в силу этого вся сила государства были пущены в ход для защиты семьи и основ брака» [158, с. 69].

Отмена церковного брака, переход к гражданскому, по мнению П.А. Сорокина, лишили последний одного из рычагов, ранее принуждавших более строго и серьезно относиться и уважать «от Бога данную» связь. «Мудрено ли поэтому, – пишет он, – что параллельно с этим процессом исчезновения религиозной основы брака мы видим и постепенное ослабление его охраны со стороны государственной власти. Наказания за внебрачные половые связи, а равно и за прелюбодеяние, становятся мягче и мягче, пока постепенно не вымирают [158, с. 70]. Изучение культуры демографического поведения верующих осталось за рамками нашего исследования.

Заключая краткий анализ различных аспектов и сторон феномена *«культура демографического поведения семьи»*, нельзя хотя бы кратко не затронуть и такие аспекты этого поведения, носящие неотвратимо тотальный характер, как *«культура старения»* и, наконец, *«культура смерти»*.

Культуру демографического поведения человека, семейной ячейки нельзя рассматривать в отрыве от решения проблемы долголетия, продления активного жизненного цикла индивида. С позиций медицинской демографии увеличение продолжительности жизни и процесс постарения населения – это вопрос взаимодействия медицинских, моральных и социальных стандартов, их интеграция и их новый уровень развития. Сейчас врачи чаще, чем раньше, борются за жизнь пожилых и престарелых людей. Это накладывает определенный отпечаток на их профессиональную деятельность и взаимоотношения между врачом, больным и его родственниками, в конечном счете, это новые проблемы медицины в период интенсивного процесса постарения населения.

К началу XXI в. пограничным возрастом старости в большинстве стран считается 60–65 лет, сопрягающийся с возрастом выхода людей на пенсию «по возрасту». Особую группу населения составляют так называемые «долгожители» – люди в возрасте 80 лет и старше. Вместе с тем сегодня вряд ли можно соглашаться с мнением, что установить определенную возрастную границу старости можно только условно. В отличие от предшествующих этапов развития человеческого сообщества достижение старости (70 лет) из исключительного, единичного явления (возраста 70, 80, 90 и более 100 лет достигало сравнительно незначительное число наших предков) превратилось в довольно распространенное, можно сказать, массовое явление. Данное обстоятельство, в свою очередь, явилось и причиной, и следствием изменения наших представлений о «старости» и пределах человеческой жизни. Однако дело не только в виртуальных представлениях, но и в объективной реальности: темп старения, одряхления человеческого организма для большинства людей замедляется в результате совершенствования социальных условий жизни и достижений медицинской науки и здравоохранения.

Однако было бы неправильным говорить о существенных изменениях в человеческой природе, его генетической программе продолжительности жизни. Этого не подтверждают ни генетические, ни геронтологические, ни демографические исследования [63]. Процессы старения современного человека и дикаря далекого прошлого, видимо, по своим физиологическим параметрам ничем не отличаются, однако социальные условия, которые создал для себя сам человек, ослабили ранее существующую жестокую, изнуряющую и подрывающую жизненные силы борьбу за существование, и благодаря этому все большая часть людей достигает пожилого и старческого возраста. За последние столетия изменения произошли не в биологической сущности человека, а в его экологическом окружении, в среде его обитания и образе жизни. Известно, что предотвращение высокой смертности в детских, юных и средних возрастах, приводящее к увеличению средней продолжительности жизни, необходимо рассматривать не только с количественной стороны,

но и с точки зрения влияния этого процесса на смысл и цели жизни с позиции морали и этики внутрисемейных отношений.

Задачи медицины, социальной демографии и социологии и состоят в том, чтобы предвидеть возникновение новых проблем, связанных с взаимоотношением человека с окружающей средой, прогнозировать предстоящие изменения в этих взаимоотношениях и принимать рациональные меры по профилактике неблагоприятных последствий в демографических процессах.

Особо острая проблема – врачебный подход к людям, страдающим неизлечимыми недугами, – разработана еще недостаточно во врачебной этике и медицинской деонтологии. Пассивное созерцание врачом приближающейся смерти больного, как его описывает И. Харди, вряд ли можно признать нравственно оправданным. И. Харди пишет: «Врач... напряженно следит за угасающей жизнедеятельностью организма, за постоянно угасающими жизненными процессами, пульсом, дыханием, сердечной деятельностью, кровяным давлением, более того, постоянно контролирует и состояние сознания. При прекращении всех этих жизненных функций врач устанавливает наступление смерти» [191, с. 73].

Успехи медицины позволяют все большее внимание уделять морально-этическим проблемам, вытекающим из все возрастающих возможностей радикально вмешиваться в такие интимные стороны, как рождение, жизнь и смерть людей. Использование различных контрацептивов и безопасность при проведении аборт формируют иное демографическое поведение и морально-этические принципы в любви, браке.

Научно-технический прогресс вложил в руки врача такие мощные средства, что само их применение требует морально-этического права. В «Клятве Гиппократа» сказано: «...Я ни в коем случае не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария». Возникает вопрос: не нарушает ли современная врачебная этика этих принципов?

Обращаясь к анализу феномена «культура смерти», следует осознавать, что речь о последней идет, в первую очередь, не в плане процесса «окультуривания» обряда погребения, поминания и других сопутствующих действий (это представляет собой особую социально-экономическую и нравственно-этическую проблему). К тому же современные возможности медицины настолько велики, что с помощью различных технических средств аппаратуры и медикаментов представляется возможным продлить жизнь больного, не имея полной надежды на возвращение его к полноценной, настоящей, радостной жизни.

В последнее время в зарубежной и отечественной литературе все чаще поднимаются и дискутируются вопросы об эвтаназии – легкой смерти для безнадежно больных людей или людей тяготящихся своей старостью. При этом небезосновательно высказывается определенное беспокойство по поводу того, что эвтаназия может нанести серьезный урон традиционной врачебной этике, ибо такая практика может деформировать отношения врач – больной, подорвав доверие второго к первому. Имеются опасения и по поводу того, что врачу предпосылается миссия судьи человеческой жизни и одновременно исполнителя смертного приговора. Не исключается и ситуация, при которой легализация эвтаназии может побуждать врачей пойти по пути наименьшего сопротивления, даже толкать на преднамеренное убийство. При этом с врача снимется ответственность за сохранение здоровья и жизни больного.

Решение проблем увеличения продолжительности жизни (по существу, биологических), не должно рассматриваться в отрыве от нравственно-гуманистических, медицинских и социально-демографических факторов, без учета и осознания смысла и целей жизни конкретных человеческих сообществ, в конкретных исторических социокультурных условиях их жизнедеятельности и развития.

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс – известный классик социально-экономической мысли, один из пионеров в исследовании филогенеза семьи, подчеркивал, что эта социально-экономическая ячейка в миниатюре представляет и

отражает собой общество, в котором она развивается, предваряя происходящие в нем события [115, т. 21, с. 61]. Культура демографического поведения современной российской семьи – отражение общего состояния деформированного общественного воспроизводственного процесса и общественных отношений.

1.3. Факторы становления и развития культуры демографического поведения в современной России

«Бедность характеризуется не только экономическим (*income poverty*), – справедливо отмечает Р.В. Агарков, – но и социальным состоянием людей с особым образом жизни и нормами поведения. Социальный характер бедности вызван главным образом хронической бедностью, которая приводит к формированию особой субкультуры бедных» [9, с. 9–10].

Современное состояние нашего общества все еще характеризуется глубоким кризисом, сложностью и противоречивостью социальных процессов, экономической и политической нестабильностью, социальной напряженностью. Социально-экономическое положение России в течение последнего десятилетия, результаты противоречивого и непоследовательного хода реформирования экономики, ослабления социальной политики государства, номенклатурно-криминальной приватизации общенародной собственности привели, с одной стороны, к резкому падению уровня и качества жизни значительной части населения страны (по разным оценкам, к бедным относятся от 30 до 80 % жителей РФ), с другой – к скоропалительному и фантастическому обогащению очень узкого круга людей.

«Преобразования, которые обрушились на российское общество, – отмечает Н.М. Римашевская, – по своей глубине, интенсивности и всесторонности не имеют аналогов в его истории. Радикальные перемены коснулись экономики и политики, государственного устройства и национально-этнических отношений, населения и социальной инфраструктуры. Мы наблюдаем глубокие, хотя и весьма противоречивые, трансформации цивилизационного характера» [142, с. 165].

Как справедливо отмечает О.В. Кочуркова, бедность – это не только эмпирическая реальность, одновременно это и «совокупность социальных норм, санкционирующих отношения между неимущими и имущими, органами социальной защиты, частными благотворительными организациями и низшими слоями населения, а также норм, выделяющих минимально допустимый уровень потребления благ и услуг» [82, с. 13]. Сегодня диапазон мнений относительно границ бедности колеблется от установления ее порога на уровне жесткого физиологического норматива до вполне комфортных условий жизни на основе сети социальной поддержки. Под феноменом «бедность» предлагается понимать состояние постоянного вынужденного отсутствия необходимых ресурсов для обеспечения удовлетворительного образа жизни, приемлемого в данном конкретном обществе. То есть, если обозначить культуру бедности, то это культура лишения, отсутствия доступа к различным общественным ценностям, культура депривации.

При этом нельзя не согласиться, что основная причина бедности тех или иных групп населения заключается не столько в индивидуальных качествах человека, его способностях к трудовой деятельности, сколько в условиях его жизнедеятельности, в том или ином типе современной семьи. По данным исследований О.В. Кочурковой, базирующимся на изучении жизнедеятельности семей в условиях Тюменского Севера, наиболее нуждающимися продолжают оставаться многодетные семьи и семьи с нетипичными детьми. При этом высокую степень корреляции с уровнем материальной обеспеченности семьи имеют образование и профессиональная подготовка взрослых членов семьи [82, с. 12, 18].

Каковы масштабы бедности в России и *субкультуры* бедности? Ответить однозначно на этот вопрос довольно сложно, так как, с одной стороны, нет четких границ и индикаторов измерения бедности, а с другой – отсутствует сколь-нибудь надежный статистический механизм учета уровня жизни населения.

В обширной литературе сегодня можно встретить официальные оценки масштабов бедности в том или ином регионе. Так, в Концепции «Сбережение на-

селения Свердловской области на период до 2015 года» (принятой Постановлением Правительства Свердловской области от 6 июля 2001 г. №393–01), например, подчеркивается, что кризисные процессы в экономике страны последнего десятилетия крайне негативно отразились на качестве жизни большей части населения Свердловской области. Снижение реальных доходов населения, безработица, сокращение социальных гарантий населения способствовали формированию неблагоприятных демографических процессов, ухудшению количественного и качественного состояния трудовых ресурсов [2].

Согласно концепции абсолютной бедности, последняя предполагает установление некоего прожиточного минимума, который базируется на выделении круга (перечня) основных материальных и духовных потребностей, оценке соответствующих ресурсов, требующихся для удовлетворения этих потребностей, и последующее сопоставление учитываемых (фиксируемых) доходов и прожиточного минимума.

Второй подход к оценке бедности – так называемый субъективный. Он основан главным образом на самооценках населения на восприятии им (отдельным человеком, социальной группой) достаточности или недостаточности, соответствия или несоответствия условий своей жизни и ресурсов жизнеобеспечения уровню удовлетворения насущных потребностей. Для самооценки своего жизненного уровня населению предлагалось понятие виртуальной «черты бедности» (т. н. «*the poverty line*» – термин, предложенный голландскими экономистами из Лейденского университета в 1970-е гг.).

К этому же подходу можно отнести субъективное определение населением (респондентом) бедности как отсутствия возможностей удовлетворения потребностей, потери, лишения, другими словами – *депривации* («*deprivation*») – субъективного восприятия бедности через недовольство, испытываемое группой по отношению к своему настоящему состоянию, а объективно – как стремление данной группы (отдельной личности) достигнуть уровня другой группы (личности), более

развитой или более благополучной в социальном отношении [4, с. 82]. В современной социологической практике этот метод используется довольно широко.

В мониторинговом режиме в целом ряде исследований за последние 10–12 лет социологами Института экономики УрО РАН с авторским участием различными группам респондентов в анкетах задавался вопрос: «К какой категории населения по уровню жизни Вы относите себя, свою семью в настоящее время?». Респондентам предлагалось оценить уровень своей жизни по четырехзвенной шкале: а) пока живем в полном достатке (сокращенное обозначение варианта – «А»); б) имеем средний достаток – «Б»; в) живем на грани бедности – «В»; г) живем за чертой бедности – «Г». О сравнительном постоянстве социально-экономического самочувствия уральского населения в процессе идущих экономических реформ свидетельствуют приводимые ниже данные (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию):

Таблица 1

Опросы	Варианты самооценок уровня жизни и благосостояния			
	А	Б	В	Г
Челябинская область				
1992 г., 2000 чел.	3,0	42	48	7,1
1995 г., 1000 чел.	2,0	36	48	13
Свердловская область				
1999 г., 1000 чел.	3	47	42	8
<i>(«Семья–1997»)</i>				
1997 г., 1000 чел.	1,2	39	49	11
<i>«Тагил–2000»;</i>				
2000 г., 2000 чел.	4	48	41	6
г. Краснотурьинск				
2001 г., 630 чел.	2,2	60	31	4,1
<i>«Труд–2001»</i>				
2001 г., 1500 чел.	4,1	61	31	2,5

Обращает на себя внимание идентичность социально-экономического самочувствия населения различных регионов РФ на протяжении целого десятилетия. Прослеживается устойчивое деление населения на сравнительно одинаковые (по удельному весу в общей численности населения) группы, относящие себя к разряду «богатых», «средняков» и «бедняков». Некоторое исключение составляет самочувствие российских семей, проживающих в районах Крайнего Севера (ХМАО, ЯНАО), располагающих более широкими материально-экономическими возможностями в организации своей семейной жизни. Подобную «раскладку» населения фиксируют и московские социологи. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2000 г., к высшему социальному слою россиян отнесли себя около 1 % респондентов, к среднему слою – 19 % и к низшему – 19 %. Остальные участники опроса не смогли ответить, кем они являются в жизни. Характерно и другое: среди представителей различных социальных групп *причастность к среднему социальному слою* ощущают соотнositельно разные группы респондентов: среди госслужащих – 5 %, среди гуманитарной интеллигенции и военнослужащих – по 6 %, среди предпринимателей – 13 %, среди квалифицированных рабочих и фермеров – по 28 %. В отношении недвижимости критерии представителей этих трех групп россиян были, соответственно, следующими: отдельная трехкомнатная квартира; отдельная двухкомнатная квартира и дом с надворными постройками [194].

Можно предположить, что оценка населением (семьями) уровня своего достатка в целом является адекватной реальному положению дел, для большинства из них современная экономическая ситуация неблагоприятна.

Резюмируя сказанное выше о социально-экономическом самочувствии горожан, необходимо констатировать, что самым весомым фактором, определяющим оценку материального благополучия и источников доходов людей, остается социальный статус респондентов и их семей. В конце 90-х годов не более 2–3 % екатеринбуржцев считали себя богатыми, а практически половина их земляков – ощущали себя и своих близких живущими на грани или за чертой бедности. При

этом субъективное ощущение следует считать более важной характеристикой в оценке уровня жизни, нежели объективный уровень денежных доходов населения. Наиболее адаптированы к жизни в рыночной среде предприниматели, наименее – пенсионеры и неполные семьи.

Наиболее злободневной для общества является **абсолютная бедность**. Она заключается в наличии в обществе людей, семей, социальных групп и категорий населения, чьи доходы не достигают определенной минимальной величины и чье потребление находится ниже некоторых минимальных нормативов. Исследователи этого явления выделяют в нынешней России три степени абсолютной бедности. Во-первых, это *нищета* – наиболее глубокая, крайняя степень бедности; во-вторых, *нужда* – недостаток в необходимом – средняя степень и; в-третьих, *необеспеченность* – умеренная степень. Вполне понятно, что между тремя выделенными степенями бедности нет четких границ со своими установленными показателями.

Люди, не имеющие физиологического минимума средств к жизни, находятся в положении абсолютной нищеты. К ним относятся, прежде всего, те, кто стоит на грани постоянного недоедания, если не голода. Показателем такой грани можно считать доходы, едва обеспечивающие стоимость простейшего набора продуктов питания. В разработках Центра по изучению уровня жизни (ВЦУЖ) при Министерстве труда РФ выделяется еще более низкая степень бедности: пауперизация – речь идет о людях, чей душевой доход не превышает минимальной заработной платы.

В состоянии нужды (среднего уровня бедности) находятся те группы населения, которым хватает средств, как правило, лишь на обеспечение простейших физиологических нужд, но о более или менее полном удовлетворении социальных потребностей, порой даже самых элементарных, говорить не приходится. Хотя в этих группах регулярное недоедание не бывает обычным явлением, но становятся порой непреодолимыми проблемы с обновлением одежды и обуви, со средствами

на лечение и тем более на отдых, развлечения. Верхнюю границу нужды сегодня определяет официальный прожиточный минимум, фактически и являющийся в России показателем именно социального минимума (в отличие от стоимости одного продуктового набора, указывающего примерные пределы чисто физиологического минимума). В состоянии нужды, таким образом, оказываются люди, доходы которых меньше официального прожиточного минимума, но больше его двух третей (стоимость минимального продуктового набора).

Выделение абсолютных и относительных разновидностей бедности не исключает необходимости различать своеобразие ее структуры в современной России. Принципиальное значение, по мнению Л.А. Гордона и Б.В. Головачева, имеет осмысление таких понятий, как «бедность слабых» и «бедность сильных». Бедность первых – это преимущественно бедность нетрудоспособных и малотрудоспособных людей (инвалидов, больных, физически и психологически неустойчивых, кормильцев многодетных семей, глав монородительских семей и т. д.). «Бедность сильных» возникает сравнительно реже в условиях, когда полноценные, высококвалифицированные работники (способные получать доход, обеспечивающий нормальный жизненный стандарт) не могут, в силу различного рода обстоятельств, своим трудом обеспечить принятый в данное время и в данном обществе уровень благосостояния, поддержать привычный в прошлом жизненный уровень семьи. Если «бедность слабых» условно можно квалифицировать как социально обусловленную, во многом не зависящую от самого индивида, то «бедность сильных» предопределяется «не только производственно-трудовой или экономической ситуацией, способствующей обеднению работника (и, соответственно, членов его семьи), но и соответствующим безынициативным поведением самого работника, недостаточной его способностью к адаптации к новым условиям» [50, с. 14].

Различная природа двух выделенных нами видов бедности диктует и два сравнительно отличных пути решения проблем. Преодоление или хотя бы смягчение «бедности слабых» требует преимущественно прямой помощи извне, предос-

тавления «слабым» группам дополнительных денежных выплат или натуральных благ. Напротив, «производственно-трудовая бедность», охватившая «сильных», полноценных работников, устраняется косвенно, путем создания условий, стимулирующих их собственную трудовую активность. В условиях стабильной социально-экономической ситуации феномен «бедности слабых» затрагивает, как правило, относительное меньшинство населения, и при этом ту ее часть, которая не играет, как правило, решающей роли в общественной жизни. Серьезной социальной и политической проблемой эта разновидность бедности становится лишь тогда, когда она достигает уровня острой нищеты и массовых масштабов. В этой ситуации она превращается в реальную социальную и нравственную угрозу для общества, даже если она оказывается уделом сравнительно небольших и неактивных категорий населения, тех, кто внезапно перестал чувствовать себя сытым [50, с. 11–14].

По мнению О.В. Кочурковой, традиционные установки бедных семей могут характеризовать признаки субкультуры бедных [82, с. 22]:

1) в экономическом аспекте – наблюдается в установке большей части населения на уравнительность в распределении материальных благ, нацеленности на государственное жизнеобеспечение, отсутствии стремления повысить уровень своего благосостояния самостоятельно;

2) в идеологическом обосновании бедности, отрицающем в принципе социальное неравенство как общественное явление;

3) в психологическом аспекте, при котором, с одной стороны, бедность рассматривается как поведенческая категория (человек, ощущающий себя бедным, отказывается от уникальности своей личности, от творчества, от активности, от своих прав и свобод, позволяет себе быть слабым и несчастным и, как следствие, управляемым); с другой стороны, психология бедности заключается в том, что независимо от социально-экономических условий до 10–15 % трудоспособного населения в силу ряда не зависящих от него причин не может эффективно работать,

регулярно заниматься производительным трудом, не имеет доходов от собственности, источников самообеспечения;

4) бедность в качестве объекта социального настроения имманентно включает такие основные характеристики, как низкий уровень жизни и утраченные надежды.

Главными факторами прогрессирующей бедности в условиях кризиса являются: снижение реальных доходов работающих, безработица; значительное повышение цен на жилищно-коммунальные и транспортные услуги; снижение роли пособий на детей в структуре семейных бюджетов и т. д. Выступая как продукт и результат экономических реформ, обедневшие слои населения питают негативное отношение к самим реформам, создающим в условиях расширения и углубления пропасти между богатыми и бедными растущую угрозу социальному миру и взаимопониманию. Вот почему в ходе проведения социально-экономических реформ все более острый характер приобретают проблемы социальной защиты обедневших (люмпенизированных) слоев населения.

Выделение богатых «новых русских» как особой социальной группы связано не только с их ролью в процессе производства, но и с их местом в процессах присвоения и потребления. Многие современные предприниматели, имея общие интересы в утверждении определенных социальных форм присвоения и потребления, выступают как монопольные потребители престижных и качественных товаров, услуг, культурных ценностей. Каково отношение к ним социального слоя бедных?

В одном из исследований, проведенном социологами Института экономики УрО РАН в сентябре 2003 г. в городах Ханты-Мансийского автономного округа, посетителям городских служб занятости и работодателям задавался вопрос: *«Как Вы считаете, КТО или ЧТО в первую очередь способствует быстрому обогащению некоторых россиян (например, тех же «новых русских»)»*. Ответы представителей двух групп югорчан – посетителей служб занятости и экспертов распре-

делились следующим образом (% от общего числа опрошенных в каждой группе: «П» – посетители – 580 чел. и «Э» – работодатели – 110 чел.) [119, с. 40]:

Таблица 2

Варианты ответов	Группы	
	П	Э
У них есть блат, нужные связи	48	23
Имеют доступ к финансам, материальным ценностям	29	45
Они умеют работать	27	31
Умеют «хорошо» воровать	25	27
Имеют богатых родителей, родственников	24	11
Им везет в жизни	15	1,8
Другое	2,5	5

Результаты опроса показывают, что лишь 27–31 % респондентов считают умение работать источником богатства в современной России. Труд и воровство практически уравнились в оценках.

Наряду с традиционной для российского общества бедностью появились, по меткому замечанию Н.М. Римашевской, так называемые «новые бедные», по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда раньше не входившие в «нижний» слой общества.

Группа «новых бедных» достаточно социально мобильна, и при улучшении, стабилизации ситуации входящие в нее лица могут перейти в группы мало- или среднеобеспеченных. К сожалению, восходящая социальная мобильность, если и происходит благодаря подъему производства, то очень медленно. Более нагляден процесс нисходящей социальной мобильности, когда формируется и укрепляется «социальное дно», в которое входят нищие, бомжи, беспризорные дети, алкоголики, наркоманы, проститутки (включая детей), ведущие асоциальный образ жизни.

Бедность – важный социальный феномен современного общества, представляющий немалую опасность как для социально-психологического самочувствия россиян, так и для стабильности общества в целом. Однако сама по себе бедность

представляет собой многомерную структуру, интегральная классификация которой представляет интерес как в теоретическом (изучении проблемы), так и в практическом (более эффективная борьба с бедностью) аспектах. В необеспеченных семьях (умеренная степень бедности), как правило, удовлетворяются элементарные потребности (как физиологические, так и социальные), но остаются неудовлетворенными потребности более сложного и высокого порядка – культурные потребности. «Необеспеченные» более или менее сытно едят (хотя рацион здесь не всегда сбалансирован и питание нельзя считать полностью здоровым), имеют возможности обновлять одежду, лечиться, отдыхать. Вместе с тем этот уровень жизни не позволяет достичь образцов и стандартов качества жизни, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными.

Процесс люмпенизации населения во многом связан с региональными проблемами: уровнем экономического и социального развития территории, структурой промышленного производства, способной более или менее адаптироваться к современным экономическим реалиям, а также политикой региональных властных структур (состоянием системы социальной защиты, контролем за своевременностью оплаты труда и др.). Проблемы социальной защиты в ходе проведения социально-экономических реформ приобретают все более острый характер, поскольку эти преобразования, к сожалению, расширяют масштабы таких негативных социальных явлений, как бедность и люмпенизация населения. Выступая как продукт и результат экономических реформ, обедневшие слои населения питают негативное отношение к самим реформам, создающим в условиях расширения и углубления пропасти между богатыми и бедными растущую угрозу социальному миру и взаимопониманию.

Проиллюстрируем региональный фактор воспроизводства бедности и попыток решения этой проблемы на примере Свердловской области. В процессе подготовки Концепции «Сбережение населения Свердловской области на период до 2015 года» был проведен посемейный анализ, который показал, что по состоянию

на 1 января 2001 г. средние доходы семьи в Свердловской области составили 68 % по отношению к прожиточному минимуму, а именно – 82 тыс. руб. в год, в том числе собственно денежные доходы в виде заработной платы, пенсий, различных пособий (по беременности и родам, по больничным листам, адресной социальной помощи, детских пособий и т. д.) в сумме 64 тысячи рублей в год и в виде гарантированных бесплатных услуг образования, здравоохранения, культуры и т. д. – 17 тыс. руб. в год на семью. В связи с этим, вряд ли обоснованы проекты составителей этой Концепции, например, такие: «Главная задача, которая должна быть решена в процессе намеченных мероприятий, – это создание возможности для значительного повышения роли и размера заработной платы, которая за 15 лет должна возрасти в 13,5 раза; гарантированные услуги бюджетов всех уровней для семьи должны вырасти почти в 5 раз. В результате обеспеченность семьи в Свердловской области к концу 2015 года должна превысить минимальный прожиточный уровень на 33 процента и в основном соответствовать размеру минимального потребительского бюджета» [2].

Процесс обнищания российского населения, который мы характеризовали на макроуровне, так или иначе отражается на жизнедеятельности семей россиян, преломляясь на микроуровне той или иной ипостасью жизненной ситуации. В общей массе семей можно выделить полярные группы семей, с одной стороны, благополучно адаптирующиеся к рыночным преобразованиям, живущие, как говорится, «в полном удовольствии», и, с другой, терпящие от этих преобразований неудачи, невзгоды, ущемления и просто бедствующие.

Росту бедности в стране за последние 10 лет сопутствовал рост преступности и, следовательно, «аномизации» общества, в частности утрата представлений о ценности человеческой жизни. Как связана эта черта субкультуры бедности – с культурой демографического поведения семьи?

Проблема незащитности населения перед уголовным миром стала одной из самых животрепещущих, выходя на третье место после озабоченности низкой

зарплатой и ее невыплатой. Так, по данным нашего опроса жителей г. Екатеринбурга, 44 % респондентов причислили проблему преступности к особо актуальным. О состоянии этой стороны жизнедеятельности населения в субъектах Федерации УрФО можно судить по уровню преступности, раскрываемости преступлений за последние 10 лет. В округе резко выросло число преступлений, раскрываемость же их остается по-прежнему сравнительно невысокой:

Таблица 3

Регионы УрФО	Коэффициент преступности (количество преступлений на 100 тыс. чел.)		Уровень раскрываемости преступлений, %
	1990 г.	2001 г.	2001 г.
Свердловская обл.	1501	2634	57,2
Тюменская обл.	1683	2617	69,1
Челябинская обл.	1097	2261	61,1
Ханты-Мансийский АО	1758	2605	77,5
Ямало-Ненецкий АО	1086	1715	81,4

В ХМАО и ЯНАО уходит от правосудия лишь каждый пятый преступник, в Свердловской области – практически каждый второй. Социологический опрос, проведенный в начале сентября 1997 года в Екатеринбурге, подтвердил масштабы социального зла, угрожающего его жителям. По свидетельству 42 % опрошенных, в их семьях или среди родственников оказывались пострадавшие от разбоя, грабежа. В наиболее опасной криминальной ситуации находились семьи бизнесменов и предпринимателей (47 %). Но и другие категории семей чувствовали себя небезопасно: от 37 до 44 % из них имели потерпевших от столкновения с уголовным миром.

Три миллиона детей и подростков в России бродяжничают, не учатся, вовлечены в криминально-преступные группировки.

Подспудная боязнь социально-экономического краха, отсутствие твердой уверенности в благополучном завтрашнем дне не могут не сказываться на различ-

ных сторонах жизнедеятельности индивида, семейной группы. Такое состояние влияет на жизненные планы человека, его трудовую деятельность, демографическое поведение, социально-психологический климат в семье, в трудовой ассоциации.

Процесс формирования рыночных отношений в РФ затронул практически все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – здоровье населения, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (прежде всего – семьи) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации здорового образа жизни. В условиях т. н. социалистического общества здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (по крайней мере, в идеологии) как общественное достояние, которое можно (и должно) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью как к частной собственности индивида (семьи), с которой сам ее владелец может обходиться «как ему заблагорассудится».

Следует осознавать, что институту семьи, в конечном итоге, принадлежит ведущая роль в формировании здорового поколения, здорового образа жизни нации. Вместе с тем в условиях значительной бедности проблема здоровья, его ценности в общественном сознании россиян, в нашем случае – в среде уральского населения, в иерархии наиболее острых проблем, стоящих перед семьями, выходит на вторую-третью позицию (после проблемы дороговизны, нехватки денежных средств).

Проводимая «шоковая» политика и негативная информационно-психологическая атака средств массовой информации формируют состояние постоянного стресса и социально-психологической дезадаптации населения, что на фоне снижения массовости физкультуры, особенно в трудовых, учебных коллективах и по месту жительства, общего уровня культуры, в том числе и санитарно-гигиенической, способствует распространению вредных привычек (курение, алко-

голизм, наркомания), нездорового образа жизни и, как следствие, приводит к ухудшению состояния здоровья населения [2].

По свидетельствам специалистов, за последние годы здоровье населения России характеризуют такие яркие индикаторы, как высокая смертность: материнская, младенческая, мужская в среднем и раннем возрасте. На смену преимущественно остро протекающим болезням экзогенного характера приходит, в основном, патология в виде хронических инфекционных болезней; отмечается рост психических и инфекционных заболеваний; высока общая заболеваемость трудоспособного населения.

На отношение к здоровью как ценности, прежде всего, влияют состояние общества, качество социальных институтов. Поэтому здоровье индивида является результатом не только наследственности (генетический уровень), но и взаимодействия с внешним миром. Такое взаимодействие проявляется в форме влияния окружающей среды или определенных видов деятельности индивида: поведения, ежедневных практик. Здоровье индивида, семейной группы в целом можно рассматривать и как результат деятельности самих субъектов, и как детерминанту занимаемых ими социальных позиций (статусов): а) занимаемой должности и связанных с нею возможностей пользоваться медицинскими услугами, получаемого дохода и возможностей оплаты медицинских услуг, мер профилактики, рекреации; б) санитарно-гигиенических и других условий быта, труда. В стратификационных исследованиях здоровье может носить характер дополнительного фактора, давая важную иллюстративную информацию в понимании и толковании социальной действительности [106, с. 117].

«Физические недуги – это тот налог, который берет с нас наша окаянная жизнь, – писал около трех столетий назад Ф. Честерфилд, английский политик и моралист (1694–1733), – одни облагаются более высоким налогом, другие – низким, но платят все» [105, с. 291]. Но так ли уж фатальна судьба, навязывая человеку в пожизненные попутчики ту или иную болезнь, хворь?

Если обратиться к содержанию понятия «охрана здоровья», то его можно понимать как совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического, экологического и эпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья [2].

Как показали наши исследования, проблема поддержания здоровья взрослых и детей является одной из приоритетных среди других проблем уральских семей. Ее острота во многом связана с нехваткой у семьи денежных средств на лечение и профилактику заболеваний не только взрослых членов семей, но и детей. И это вполне объяснимо. Все более распространенной становится практика оплаты медицинских услуг. При этом речь идет не только и не столько о ставшей традиционной еще в советское время деятельности частных стоматологических клиник. Из разряда исключительного становится обычным явлением оплата диагностических обследований, консультаций врачей-специалистов, восстановительного лечения.

По степени влияния на уровень популяционного здоровья населения не последнее место занимают экологические факторы. В Свердловской области, по оценкам экспертов, более 80 % населения подвержены неблагоприятному воздействию окружающей среды. Основными факторами риска, формирующими среду обитания, являются условия окружающей среды (атмосферный воздух, питьевая вода, химическая, шумовая, радиационная нагрузки) и внутренней среды помещений (производственных, детских и других). Более выраженное влияние указанных факторов отмечается на экономически развитых промышленных территориях области [2].

А как отражается в общественном сознании взаимосвязь неблагополучия экологии, природных факторов жизненной среды и здоровья населения в различных регионах? *«Связываете ли Вы состояние своего здоровья (здоровья членов*

Вашей семьи) с экологической обстановкой в вашем городе, районе (с чистой воздухом, воды, земли)?». Результаты опроса «Семья–1999» (% от общего числа респондентов по каждой группе приведены в таблице:

Таблица 4

Город	Да, связывают	Нет	Затруднились ответить
В целом	59	10	29
в том числе:			
Екатеринбург	61	10	28
Челябинск	70	8	20
Надым	48	19	32
Нижневартовск	69	8	22
Самара	57	6	35
Чита	50	12	36

Более половины респондентов уверены во взаимосвязи неблагополучия экологии и своего здоровья. В Надыме эту связь фиксирует сравнительно меньшее число респондентов (48 %). Наиболее «предвзяты» к этой проблеме жители Южного Урала – челябинцы. И это неспроста: Челябинская область входит в первую пятерку субъектов РФ, имеющих практически катастрофическую экологическую обстановку.

В исследовании «Тагил–2000» лишь каждый одиннадцатый респондент (9 %) считал, что между экологией и его здоровьем нет особой взаимосвязи. Подавляющее же большинство горожан (около 85 %) связывали состояние своего здоровья в той или иной мере с неблагоприятной экологической обстановкой в городе. При этом 44 % респондентов отводят экологии ведущую роль в спектре причин заболеваний населения. Выше мы привели данные субъективных оценок. Попробуем обратиться к объективным данным. С целью выявления взаимосвязи между величиной загрязнения воздушного бассейна и здоровьем населения челябинские медики провели такое исследование в различных районах г. Челябинска. Были отобраны специальные участки. Основной принцип отбора – их удаление на

расстояние 0,5; 1,0; 1,5 километра от промышленных предприятий, которые являются главными источниками загрязнения воздушного бассейна города. Соотношение расстояния места жительства от источника загрязнения и общего количества случаев заболеваний было таково:

Таблица 5

Расстояние от источника загрязнения, км	Общее количество случаев заболеваний в пересчете на 1000 чел.
0–0,49	1650
0,5–0,99	1506
1,0–1,5	1181

Полученный материал позволил установить прямую зависимость частоты заболеваний ребенка от расстояния его местожительства до источника загрязнения воздуха. Был проведен и анализ характера заболеваний детей:

Таблица 6

Заболевания	Расстояние от источника загрязнения, км		
	0–0,49	0,5–0,99	1,0–1,5
Катар верхних дыхательных путей	675,0	483,0	410,0
Бронхит	22,3	16,7	10,3
Ангина	144,6	122,3	109,5
Пневмония	33,5	16,7	12,2
Конъюнктивит	151,0	71,9	62,5

Чаще других болезней дети переносили катар верхних дыхательных путей, ангину, бронхит и пневмонию. Даже возникновение конъюнктивита, оказывается, имеет определенную степень корреляционной связи с уровнем загрязнения атмосферы в большом городе [157, с. 28, 29]. Кратко резюмируя данные челябинских медиков, заметим, что по географическому расположению промышленные и селитебные зоны различных городов Урала существенно отличаются от челябинских. Например, в таких городах, как Нижний Тагил, Ревда, Серов и др., селитебные зо-

ны более тесно соприкасаются с промышленными площадками предприятий, вносящих ту или иную лепту в загрязнение окружающей среды, то есть той среды, в которой живет большинство семей работников основных градообразующих предприятий.

Имеется печальная статистика: лишь 10 % школьников могут считаться здоровыми, 40 % школьников имеют различные хронические патологии. К такому выводу пришли сотрудники Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи. Кроме того, комитет обеспокоен нравственным здоровьем российских подростков [149]. По данным Минздрава РФ:

- младенческая смертность в 2–3 раза выше, чем в развитых странах;
- более 80 % детей у нас в стране имеют отклонения в состоянии здоровья;
- с 1985 года в 4–5 раз возросла заболеваемость новорожденных, в 2–3 раза – детей;
- 25 миллионов детей нуждаются в оздоровлении, из которых 7 миллионов имеют тяжелые заболевания;
- особого внимания требует миллион детей, пострадавших от радиоактивного заражения, десятки миллионов, живущих в экологически неблагополучных районах;
- только 10 % выпускников средних школ медкомиссии признают здоровыми;
- каждый седьмой ребенок приходит в класс уже больным;
- по данным Минздрава РФ, в школах около 80 % хронически больных детей, а к 2000 г., по прогнозу, таких детей будет 95 %;
- 75 % девочек страдают хроническими болезнями;
- 40 % призывников не могут выполнить низшие нормативы физической подготовки, 11,5 % – имеют дефицит веса, каждый четвертый – ослабленное здоровье по причине хронического заболевания;

- за последние 20 лет число детей, отставших в умственном и физическом развитии, возросло в 10 раз [41].

Ниже приводятся данные о сравнительно высоком уровне смертности в детском и подростковом возрасте в ряде уральских регионов по состоянию на 2001 г. Основными причинами смерти являются несчастные случаи, отравления и травмы. Ниже приведены данные, подтверждающие это (в числителе – умерло подростков в возрасте 15–17 лет в расчете на 100 тыс. подростков, в знаменателе – в том числе от несчастных случаев, отравлений, травм):

Курганская обл.	150 / 109
Свердловская обл.	163 / 119
Челябинская обл.	168 / 138
Ханты-Мансийский АО	122 / 100
Ямало-Ненецкий АО	149 / 125

В Постановлении Правительства Российской Федерации «О федеральных целевых программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 1998–2000 годы» записано: «В Российской Федерации и во всем мире наблюдается рост числа детей-инвалидов. Инвалидность – это проблема не одного человека и даже не части общества, это проблема всего общества в целом. За 90-е годы XX в. численность инвалидов в России возросла в 1,5 раза, число детей-инвалидов (до 16 лет) увеличилось с 91 тысячи до 399 тысяч, т. е. в 4,4 раза. Сегодня инвалидность имеют 4 % россиян (около 7 млн. чел.) [160, с. 5].

Исследование, проведенное в Челябинской области, позволяет судить о состоянии общественного мнения по поводу основных причин неблагополучия в сфере детского здоровья. «Что, на Ваш взгляд, является причиной роста числа семей с инвалидами в российском обществе?» – на этот вопрос были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных экспертов – 60 чел.):

- рождение нездорового потомства 72
- снижение уровня жизни населения 62

- распространение вредных привычек (пьянство, курение и т. д.) 53
- повышение психологического напряжения, стрессы 40
- дети растут «беспризорными», нет возможности посещать детсад, пионерские лагеря 35
- ухудшение медицинского обслуживания 33
- ухудшение питания 32
- неосторожность людей 5
- не ответили на вопрос 5

Приведенные выше цифры свидетельствуют, по крайней мере, о двух основных позициях:

1. Подавляющее большинство респондентов распространение инвалидности в российском обществе связывает со здоровьем матери, неблагоприятной, отягощенной генетической наследственностью и т. д., обуславливающими появление нездорового потомства (72 %);

2. Немногим меньшее число экспертов связывает рост детской инвалидности с неблагоприятными социально-экономическими условиями жизни семей, родивших и воспитывающих детей: снижение уровня и качества жизни населения отметили 62 %, ухудшение медицинского обслуживания – 33 %, ухудшение питания – 32 % опрошенных экспертов [160, с. 14].

Среди причин, способствующих возникновению инвалидности у детей, основными являются ухудшение экологической обстановки, неблагоприятные условия труда женщин, рост травматизма, отсутствие нормальных условий труда и культуры здорового образа жизни, высокий уровень заболеваемости родителей, особенно матерей. Несмотря на проводимые в Российской Федерации мероприятия по улучшению условий жизни, медицинского обслуживания, повышению качества образования, трудовой и профессиональной подготовки детей-инвалидов,

остаётся нерешённым большой комплекс социальных, экономических, психолого-педагогических и медицинских проблем [6].

Общеизвестно, что правильное питание усиливает защитные реакции организма, нейтрализует неблагоприятные воздействия окружающей среды, обеспечивает нормальный рост и развитие, сохраняет здоровье и трудоспособность человека. Нарушение структуры питания является фактором, ухудшающим физическое и психическое развитие детей и подростков, снижающим продолжительности жизни. По оценкам специалистов, лишь около трети населения современного российского общества имеют возможность не потерять, поддерживать и восстанавливать имеющийся потенциал здоровья: соблюдать диетические нормы питания, отдыхать, жить в нормальных условиях и т.д. Низкий уровень жизни большинства населения России, субкультура бедности прежде всего отражаются на качестве питания. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ) по регионам РФ. Данные опроса населения свидетельствуют о том, что отказываться себе в покупке необходимых продуктов питания постоянно приходилось 14 % респондентов, время от времени – 46,3 %, очень редко – 30 %, никогда – 8,7 %. Половина опрошенных указали, что три четверти и более дохода семьи уходит на продукты питания, у 23,6 % – примерно две трети, у 19,9 % – примерно половина, у 4,2 % – примерно одна треть, у 1,8 % – четверть доходов и менее. При этом качественно питаться удается далеко не всем. Экономия в питании идет, прежде всего, за счет отказа от фруктов, мяса, молока, молочных продуктов и кондитерских изделий. И если качество рациона не страдает от исключения из него кондитерских изделий, то остальные продукты необходимы для нормального питания. Данные по приоритетности приобретения продуктов позволяют судить о продолжающемся дисбалансе питания, где недостаточно продуктов, содержащих минеральные вещества, витамины, микроэлементы [106, с. 119–120].

Уже к концу 90-х годов достаточно рельефно сформировался ассортимент продуктов для элиты, богатых и существенно иной для бедных, а в крупных городах формируется и сеть особых магазинов для первой категории населения. В структуре потребления бедных семей, как правило, продукты питания более дешевые и худшего качества. В этой группе семей наблюдается тенденция отказа или сокращения до минимума потребления овощей, фруктов, кондитерских изделий, качественных жиров, мяса и мясопродуктов.

В опросе «*Семья–1997*», о котором уже шла речь выше, дифференциацию потребительской деятельности мы попытались оценить через частоту потребления мясо-молочных продуктов в различных семьях. В анкете респондентам задавался вопрос: «*Как часто в Вашей семье потребляются следующие продукты: а) молоко, б) сметана, в) сливочное масло, г) мясо и мясные продукты, колбасы?*» Частота потребления этих продуктов (% от общего числа опрошенных – 880 чел.) приведена рис. 2.

Разница в употреблении молочных и мясных продуктов довольно значительна. Чаще всего, практически каждый день, в рационе екатеринбургских семей наличествует сливочное масло – у 56 %, реже всего сметана и творог – у 20 % семей. Мясо и мясные продукты ежедневно потребляют 41 % , молоко – 32 %. Потребление тех или иных продуктов различается в зависимости от возрастной градации опрошенных, их социальной принадлежности, уровня дохода, числа несовершеннолетних детей в семье. Если исходить из потребления перечисленных при опросе продуктов, то лучше всех питаются семьи предпринимателей и наемных работников в бизнесе; само собой разумеется, у них наиболее высокий уровень среднедушевого дохода.

Менее наполнен рацион молочными и мясными продуктами в семьях интеллигенции. Далее в порядке убывания следует рацион пенсионеров, рабочих, студентов. Наиболее скудно питаются семьи, состоящие из матери и детей, многодетные семьи [51, с. 67–68].

В общественном сознании, касающемся развития семейно-брачных отношений, сегодня существует ряд довольно распространенных и активно поддерживаемых средствами массовой информации иллюзий. Одна из таких иллюзий – «наиболее обделенной и обездоленной из всех групп семей в России является группа молодых семей». Отсюда делается вывод о приоритете экономической помощи этому типу семей. Вместе с тем за термином «молодая семья» стоит огромное разнообразие молодых семей (к этому типу семей мы относим, прежде всего, семейные союзы, созданные молодыми людьми не старше 22–30 лет, имеющие детей или ориентированные на обзаведение ими). Не будем голословными. О более благополучном социально-экономическом самочувствии молодых семей (*Семья–2003*) по сравнению со зрелыми (*Семья–1999*) в процессе идущих экономических реформ свидетельствуют приводимые ниже данные (в % от общего числа опрошенных по каждому исследованию):

Таблица 7

Самооценка уровня жизни и благосостояния семьи	Зрелая семья («Семья–1999»)	Молодая семья («Семья–2003»)
Пока живут в полном достатке	3	12
Имеют средний достаток	42	63
Живут на грани бедности	49	22
Живут за чертой бедности	4	3

Основное объяснение такому (казалось бы, непонятному) феномену следует искать, прежде всего, в активизации «сотрудничества» молодых семей со своими родительскими семьями, все более расширяющейся материально-экономической помощи родителей своим женатым и замужним детям, внукам. Изучение мирового опыта в решении проблемы бедности свидетельствует о существовании двух основных принципиально различающихся путей. *Первый* – это преодоление бедности нетрудоспособного (или ограниченно трудоспособного) населения и *второй* – преодоление бедности (или преодоление процесса «скатывания» на позиции бедности) экономически активного, трудоспособного населения. Условия россий-

ской действительности последнего десятилетия (рост люмпенизированных слоев населения, депопуляция нации, ее старение и др.) дают основание многим авторам апеллировать к необходимости выбора второго пути преодоления процесса люмпенизации – ликвидации бедности экономически активного населения.

Подобная постановка проблемы дает основание для вывода, что преодоление субкультуры бедности – это не только (а в отдельных случаях – не столько) реализация программных мероприятий по экономической реабилитации семейных бюджетов. Прежде всего, экономически активное население, включаясь в продуктивные производственные отношения, способно создать материально-финансовую основу для самообеспечения, а также реализации программ социальной защиты нетрудоспособной части населения.

И второе основное обстоятельство: преодоление бедности экономически активного населения, формирование среднего класса будет тормозить, а впоследствии и остановит процесс экстенсивного воспроизводства бедности со всеми ее культурными следствиями в российском обществе. При этом один из кардинальных путей решения проблем бедности – создание условий и повышение ценности экономической и социальной активности населения, формирование ориентации на социально-экономическую самореабилитацию, в первую очередь, на самореабилитацию семьи.

Однако опыт развитых стран показывает, что в решении проблем бедности в последнее время все большую актуальность приобретает социальная сторона проблемы, а именно социальная изолированность бедных людей (*social exclusion*) [9, с. 6–10]. Поэтому преодоление бедности не может происходить без ликвидации социальной изоляции бедных людей в обществе.

В заключение главы посмотрим каким видят свое будущее представители экономически активного населения – молодые семьи?

Данные исследований позволяют сделать целый ряд выводов. Прежде всего, о стоящих перед молодыми семьями экономических проблемах: денежный доход

семьи, решение жилищной проблемы и нерешенные вопросы с трудозанятостью. Из 51 % семей, страдающих сегодня от *«хронической нехватки денежных доходов семьи»*, 34 % надеются в течение ближайших трех-пяти лет преодолеть эту трудность, соответственно 17 % опрошенных не питают таких надежд. Практически идентичную ситуацию мы наблюдаем и с решением жилищного вопроса: здесь 41 % респондентов считают свое жилищное положение неадекватным их запросам, в том числе 16 % – пессимистично оценивают перспективы своей семьи в решении этого жизненно важного вопроса.

Особый аспект проблем молодых семей связан с экологической и социальной незащищенностью перед деструктивными действиями разного рода. В числе опасющихся подвергнуться насилию, ограблению, отравлению и т. п. – практически каждая третья-четвертая семья. Но в отличие от экономических проблем, где мы фиксируем значительное число оптимистов – тех, кто надеется в ближайшие 3–5 лет поправить свои денежные и жилищные проблемы – в вопросах безопасности не превышает 4–5 %. Приведенные в таблице данные позволяют выявить различия не только в соотношении актуальности тех или иных проблем для современных молодых российских семей, но и проанализировать влияние фактора детности на складывающуюся палитру проблем в каждом типе молодой семьи. Обратимся вновь к некоторым показателям таблицы, приведенной выше.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт практической идентичности в соотносительности актуальности проблем в молодых семьях, пока не имеющих детей, и в более «многодетных». Нам представляется, что, по большому счету, взаимосвязь остроты жизненных проблем и наличия того или иного количества детей преимущественно зависят не от фактора детности, а от жизнеспособности молодых супругов, их ориентации на активную жизненную позицию, умения адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям, их установки на ту или иную оптимальную модель собственной семьи и решимости бороться за реализацию этой модели. Естественно, сказанное выше не исключает многообра-

зие и нюансы ситуаций, в которых приходится развиваться молодым семейным ячейкам, нередко попадающим в заведомо трудное экономическое положение, для выхода из которого недостаточно лишь личной инициативы, стремления, воли, старания.

И еще одно немаловажное замечание. Выше речь шла о соотносительности остроты проблем в *молодых* российских семьях. Как показывают наши исследования, в частности, опросы «*Семья–1999*», «*Семья–2003*» и др., в зрелых семьях (с *16–30-летним стажем супружеской жизни*) раскладка остроты жизненных проблем несколько иная. В первую очередь, различия являются детерминантой разной «длины» этапов жизненного пути, который прошли молодые и зрелые супруги, и связанного с этим состояния их здоровья, количества и возрастных характеристик детей, нажитого материального состояния семьи, места, занимаемого в сфере общественного производства. Вместе с тем следует сказать, что, несмотря на существенные объективные различия в этих двух группах семей, мы можем найти среди них (в том или ином соотносительном количестве) бедных и богатых, неудачников и преуспевающих, пессимистов и оптимистов, несчастных и счастливых. Отрадно видеть, что молодые семьи показывают российскому обществу более оптимистические перспективы.

2. ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Прогнозирование тенденций в культуре демографического поведения

Депопуляция россиян, о которой все чаще и чаще с тревогой начали говорить с трибун различной высоты в начале 90-х годов прошлого века, характеризовалась, в частности, следующими данными. В 1992 г. она составила 207 тыс. чел., в 1993 – более 800 тыс., в 1994 – 920 тыс. [223, с. 103]. В первой половине 90-х годов смертность превышала рождаемость в 70 субъектах Федерации, где проживает 93 % россиян. В целом в России убыль населения составляла 6 человек на 1000 жителей, а в русских областях (где низка рождаемость) – 12–15 чел.

Феномен депопуляции населения характеризуется, в первую очередь, процессом сокращения населения страны чаще всего вследствие его вымирания, т. е. устойчивого превышения смертности над рождаемостью. В числе причин депопуляции выделяют: а) эпидемии; б) голод; в) войны; г) развитие здравоохранения; д) малодетность семьи; е) эмиграцию из страны.

К началу 2001 года численность населения Российской Федерации составила около 145 млн. человек. С 1993 года естественная убыль населения находится на стабильно высоком уровне (0,7–0,9 млн. человек в год). За 1992–2000 годы численность населения сократилась в 65 из 89 субъектов Российской Федерации. Превышение числа умерших над числом родившихся в 1999 г. составило в целом по стране 930 тыс. человек, в 2000 г. – 958 тыс. человек. *Депопуляция* – устойчивое превышение числа умерших над числом родившихся – затронула в разной степени практически всю территорию Российской Федерации и почти все этнические группы. Как констатируется в «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», одной из причин депопуляции является низкая рождаемость. В 2000 г. родилось 1267 тыс. человек, что на 722 тыс. чело-

век, или в 1,6 раза, меньше, чем в 1990 году. Снижение уровня рождаемости началось с конца 60-х годов. Современные параметры рождаемости в два раза ниже, чем требуется для замещения поколений, в среднем на одну женщину приходится 1–2 рождения при 2,15 необходимого для простого воспроизводства населения.

Характер рождаемости в Российской Федерации определяется массовым распространением малодетности (1–2 ребенка), сближением параметров рождаемости городского и сельского населения, откладыванием рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости [3].

Естественный прирост населения в 2000 году был отмечен лишь в 15 субъектах Российской Федерации, в число которых входят некоторые субъекты РФ, расположенные в восточной части страны и на Северном Кавказе, а также Республика Калмыкия. В 1999 г. превышение числа умерших над числом родившихся составило в целом по стране 930 тыс. человек, в 2000 г. – 958 тыс. человек. Депопуляция – устойчивое превышение числа умерших над числом родившихся – затронула в разной степени практически всю территорию Российской Федерации и почти все этнические группы [3].

А как обстоят дела в Уральском федеральном округе? Обратимся к данным статистики движения населения за последние 13–14 лет в шести субъектах России, входящих в УрФО. За период 1990–2003 гг. суммарная численность населения округа уменьшилась на 193,9 тыс. чел., или на 1,5 % (см. табл.):

Таблица 8

Субъекты РФ	1990 г.	2001 г.	2002 г.*	2003 г.
Ямало-Ненецкий АО	503,7	505,4	507,0	513,4
Ханты-Мансийский АО	1315,2	1401,9	1432,8	1444,2
Курганская обл.	1107,2	1087,1	1019,5	1062,1
Свердловская обл.	4773,8	4572,8	4486,2	4511,2
Тюменская обл.	1332,6	1346,4	1325,1	1333,8
Челябинская обл.	3630,8	3651,0	3603,3	3604,7
ИТОГО:	12663,3	12564,6	12373,9	12469,4

*По итогам Всероссийской переписи 2002 г.

По субъектам Федерации картина дифференцирована. Если в 2003 г. суммарная убыль в трех субъектах УрФО (Курганская, Свердловская и Челябинская области) составила 333,8 тыс. чел., то в других трех субъектах была зафиксирована за этот период некоторая прибавка населения: в Тюменской области – на 1,2 тыс. чел, в ХМАО – на 129 тыс. чел., ЯНАО – на 9,7 тыс. чел.

Итоговые показатели обусловлены целым рядом социально-экономических факторов и обстоятельств, которые сопровождали демографическое развитие субъектов РФ, создавая различную ситуацию для воспроизводства населения на тех или иных территориях. В первую очередь, уровень этого воспроизводства зависел от показателей рождаемости. За 14-летний период (1990–2003 гг.) уровень рождаемости по субъектам РФ, входящим в состав УрФО, снизился следующим образом (число рождений на 1000 чел. населения – 0/00):

Таблица 9

Субъекты РФ	Уровень рождаемости по годам		Снижение уровня рождаемости
	1990	2003	
Ямало-Ненецкий АО	16,3	14,0	-2,3
Ханты-Мансийский АО	16,7	13,7	-3,0
Курганская обл.	14,5	10,3	-4,2
Свердловская обл.	12,2	10,4	-1,8
Тюменская обл.	15,9	12,9	-3,0
Челябинская обл.	13,7	10,4	-3,3

Нетрудно видеть, что общие темпы снижения уровня рождаемости характерны для всех шести субъектов РФ в УрФО. Более высокий коэффициент рождаемости населения в ХМАО, ЯНАО обусловлен, прежде всего, половозрастным составом населения, сравнительно большим удельным весом в нем женщин, находящихся в активном детородном возрасте.

К началу XXI века уровень рождаемости в Свердловской области был ниже на 45 % уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Он со-

кратился с 13,4 в 1990 году до 8,0 в 1999 году. Причинами снижения рождаемости являются: ухудшение здоровья женщин репродуктивного периода жизни, сокращение общей продолжительности жизни мужчин и женщин, рост материнской и младенческой смертности, социально-экономические факторы, ориентация супругов на рождение только одного ребенка, а порой и на бездетный брак, отказ части населения от брака как основной формы организации семейной жизни.

Утраченные семьей обязанности и функции – забота о здоровье членов семьи, образовании и воспитании детей, экономическом обеспечении, – увеличили масштабы асоциального поведения и психологической дезадаптации среди населения, снизили нормы нравственности. Растет количество семей социального риска, в том числе неполных, увеличилась численность детей, воспитываемых одиночными матерями. Это негативно сказывается на процессе социализации детей и подростков, приводит к росту безнадзорности и беспризорности детей. Наблюдается рост учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, кадетских школ, учреждений для детей с ограниченными возможностями здоровья как следствие социальных проблем, существующих в обществе [2].

А что ждет россиян в недалеком будущем? В 1998 году Госкомстатом России были выполнены расчеты предположительной численности населения страны до 2015 года по трем вариантам с учетом различных предпосылок демографического развития и миграции. Средний вариант прогноза исходит из стабилизации рождаемости и смертности на среднем уровне. Согласно этому прогнозу, показатель демографической нагрузки (число лиц нетрудоспособного возраста на 1000 человек) составит по годам:

Число лиц нетрудоспособного возраста на 1000 чел.

Категории Годы	дети	подростки	пожилые
1996	745	383	362
2007	586	251	335
2015	696	269	427

Уменьшение относительной численности детей в общем составе населения России – следствие длительного снижения рождаемости, на котором сказались и войны, и социальные потрясения XX века. По прогнозам специалистов, численность детей и подростков и их доля в общей численности населения будет уменьшаться до 2000 года, после чего начнется постепенная стабилизация. Наибольшее снижение численности детей и подростков за период 1998–2015 годов будет отмечаться в Мурманской и Амурской областях, в Республике Коми и в Приморском крае – на 42–47 %. Рост этой категории населения на 19 и 12 % предположителен лишь в республиках Ингушетия и Дагестан (соответственно). Демографическая активность населения уральских областей (в том числе и Свердловской) находится в «золотой середине».

Демографическому кризису в России, особо остро проявившемуся к концу XX столетия, Н.М. Римашевская предпосылает три основные проблемы социально-экономического развития страны:

- 1) катастрофическое падение жизненного уровня и маргинализация населения;
- 2) беспрецедентный разрыв в материальной обеспеченности, являющийся следствием избранных форм приватизации собственности и трудностей адаптации населения к новым реалиям экономической жизни;
- 3) высокий и все возрастающий уровень безработицы [142, с. 166–169].

Небезынтересен как в теоретическом, так и научно-прикладном аспекте вопрос о культуре территориального воспроизводства населения, культуре демографического поведения той или иной социальной общности. Прежде всего, о самих понятиях «народонаселение» и «развитие народонаселения». «Народонаселение, – находим мы в одном из словарей, – естественно-исторически складывающаяся и непрерывно возобновляющаяся в процессе производства и воспроизводства непосредственной жизни совокупность людей, главный материальный компонент человеческого общества» [58, с. 268]. Народонаселение характеризуется двумя основными характеристиками – социально-временной и пространственно-терри-

ториальной. Конкретизация по этим двум характеристикам позволяет выделить народонаселение любой по размерам территории в любой отрезок времени. К примеру, в упоминавшейся уже Концепции «Сбережение населения Свердловской области на период до 2015 года» речь идет о совокупном населении городов и поселений Среднего Урала в прогностический период 2001–2015 гг. [2].

Теперь о содержании понятия «развитие народонаселения». Движение – неотъемлемый признак народонаселения, ибо выражает способы его существования. Принято, как известно, выделять три вида движения народонаселения: а) *воспроизводство населения* – непрерывное возобновление его в ходе смены поколений; б) *миграции населения* – пространственное движение; в) *социальная мобильность* – социальное движение, которое выражает определяющую линию всего движения народонаселения, его нерасторжимую связь с общественным процессом воспроизводства и развития общества в целом [58, с. 269]. Развитие народонаселения характеризуется в свою очередь количественными и качественными изменениями. Цель, которую можно поставить в плане развития населения, в общем виде может быть сформулирована как *оптимизация количественных и качественных показателей народонаселения в трех основных видах движения – в воспроизводстве, миграции и социальной мобильности* [26, с. 28].

Закономерно возникает вопрос о том, какое содержание вкладывается в понятия «оптимизация», «оптимальное развитие». В применении к развитию населения можно выделить два взаимосвязанных аспекта оптимизации. С одной стороны, это стремление к оптимальным параметрам (количественным и качественным) развития населения региона в течение прогнозируемого периода, с другой – оптимизация условий, форм, способов, затрат (материальных, финансовых, организационных, идеологических), обеспечивающих достижение этих параметров. К числу количественных оптимальных параметров развития населения с определенной долей условности можно отнести: общую численность и половозрастную структуру населения, его размещение по территории, уровень миграции, социально-

профессиональную структуру и т. д. Качественные же показатели характеризуются состоянием здоровья (физического и нравственного), уровнем общеобразовательной, профессиональной и духовной культуры, уровнем развития материальных и духовных потребностей и др.

Достижение оптимальных параметров и условий развития народонаселения идет в результате реализации долгосрочной социально-культурной политики. Последняя, по определению Т.И. Заславской, являет собой систему государственных мер (в нашем случае – реализуемых на уровне региона) «по поддержанию тех общественных групп и слоев населения, которые в силу тех или иных причин оказываются в более трудном положении, чем другие, страдают от специфических обстоятельств и не могут своими силами улучшить собственное положение» [164, с. 13]. В условиях социально-экономического кризиса, который переживает российское общество, главными целями социальной политики служат: а) создание условий для лучшего удовлетворения материальных и духовных потребностей всех социальных групп (по образному выражению Т.И. Заславской, – это цель: увеличить и сделать более вкусным предназначенный для потребления «пирог»); б) усиление социальной справедливости системы экономических, политических, юридических, нравственных отношений (цель – разделить «испеченный пирог» в соответствии с тем пониманием справедливости, которое присуще общественному сознанию) [164, с. 13]. Анализ и прогнозирование демографического поведения населения его культуры может быть основан на следующих методологических подходах и принципах.

1. *Историческая обусловленность и преемственность социальных процессов*, ибо «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего» [94, т. 1, с. 181]. Следует при этом учитывать значительную инерционность демографических процессов, семейно-брачных отношений, их

сравнительную устойчивость и способность противостоять, сопротивляться быстро меняющимся социально-экономическим условиям, вводимым новациям.

2. *Региональная обусловленность демографических процессов.* В каждом конкретном случае социально-демографическая ситуация и доминирующие тенденции в демографическом поведении являются результатом взаимодействия общероссийских, региональных и локальных факторов. Условия для развития демографических процессов формируются под воздействием не только производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, в совокупности факторов, влияющих на демографическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность. При этом отношения и роль каждого фактора могут быть различными в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов, ибо «...один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» [99, т. 25, ч. II, с. 354].

3. *Территориально-поселенческая обусловленность культуры демографического поведения населения.* Речь идет, в первую очередь, о существенной дифференциации условий, складывающихся в поселениях различного ранга в пределах одного региона. Прежде всего, здесь существенны различия городских и сельских жителей. Их содержание, по определению Т.И. Заславской, заключается «во-первых, в социально-экономическом положении городского и сельского населения; во-вторых, в образе жизни этих групп населения; в-третьих, в характерном для них уровне развития личности» [69, с. 37]. Значительные территориально-поселенческие различия в регионе мы находим в разных городах и поселениях го-

родского типа (например, рабочие поселки, малые, средние, крупные города). Эти различия обусловлены не только величиной городов, но и их географическим местоположением, особенностями развития производственной и социальной инфраструктуры, состава населения и т. д.

4. *Взаимосвязь и взаимообусловленность экономических и социокультурных факторов демографических процессов.* Хрестоматийным является положение о том, что воспроизводство населения в конечном итоге определяется производственными отношениями и уровнем развития производительных сил. Вместе с тем это положение не означает, что экономические условия прямо («жестко») устанавливают тот или иной режим воспроизводства населения, непосредственно регулируют другие стороны демографического поведения. Влияние социально-экономических факторов идет опосредованно, через создание определенных условий, способствующих (или, наоборот, препятствующих) оптимальному течению воспроизводственных процессов. Актуально в связи с этим классическое замечание о том, что «условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов» [99, т. 2, с. 476].

5. *Взаимосвязь количественных и качественных параметров процессов воспроизводства общественной жизни.* Здесь проявляется один из основных законов материалистической диалектики, согласно которому изменение качества объекта происходит тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенного предела [184, с. 488]. Применительно к социально-демографическим процессам проявление этого закона не столь прямолинейно и однозначно. Количественные и качественные параметры, характеризующие повседневную (ретро- и прогностическую) жизнедеятельность населения, причудливо переплетаются во взаимодействии посредством удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, обусловленных их ценностными ориентациями. Успех реализации социальной политики, который может быть зафиксирован в уровне удовлетворенности населения организацией их повседневной жизнедеятельности

тельности и открывающимися для них перспективами развития, будет зависеть от соответствия создаваемых условий бытия людей их ценностным ожиданиям.

6. *Многомерность бытия и целостность объекта прогнозирования.* Еще у классиков мы находим методологическое предупреждение о том, что к населению надо подходить «как к богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями» [99, т. 12, с. 726]. Народнонаселение, выступая единым целым, является объектом изучения целого ряда наук, каждая из которых с помощью своего специфического исследовательского инструментария рассматривает свою сторону единого субъекта. Отсюда необходимость организации междисциплинарного сотрудничества.

Многомерность бытия носит как временной, так и пространственный характер. В настоящее время выделяют, по меньшей мере, четыре временных ритма, сопровождающие человеческую жизнь: хронологический, социально-исторический, психологический и биологический. В трех аспектах-измерениях (координатах), соответствующих трем основным направлениям координации человеческих усилий – социально-экономическому, социально-экологическому и социально-культурному – можно представить пространственный аспект жизнедеятельности человека (группы, сообщества) [26].

Немаловажен и второй аспект. Прогнозное социальное проектирование не может делать основную ставку на исследование парциального (частичного) человека, парциальных (частичных) видов его жизнедеятельности (в частности, культуры демографического поведения) в отрыве от других. Оно должно быть адресовано человеку целостному: чувствующему, думающему и взаимодействующему с окружающим его миром. Одним из следствий представления о человеке как о «разбитом зеркале» была (и во многом остается сегодня) его трактовка как «трудового ресурса» с вытекающим из этого приравниванием людей к материально-вещественным факторам производства, развития экономики [70, с. 11].

7. *Взаимосвязь достижений науки и техники, с одной стороны, и демографических процессов, с другой.* «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (*commerce*) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий...» [99, т. 27, с. 402]. Это методологическое положение классиков социально-экономической мысли справедливо не только при рассмотрении макропроцессов взаимодействия производительных сил и социальных общностей. Оно может быть использовано при осмыслении более частных взаимодействий в системе общественного воспроизводства. В нашем случае – это влияние достижений научно-технического прогресса на внепроизводственную сферу жизнедеятельности людей, главным образом на сферу семейно-брачных отношений посредством появления и внедрения новых технологий производства продуктов питания и товаров народного потребления, средств решения экологических проблем, совершенствования градостроительства и средств коммуникации, бытовой техники, новых образцов и норм поведения.

8. *Объектно-субъектные отношения в социально-демографических процессах.* Прогнозируя, планируя и реализуя социальную (семейную, демографическую) политику в регионе, важно осознавать, КТО является ее основным субъектом и объектом. К числу субъектов, помимо государственных органов, необходимо отнести, в первую очередь, региональные и хозяйственные органы, планирующие и организующие комплекс социально-политических мероприятий (текущих и долгосрочных), обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения области. Однако эти органы, представленные конкретной совокупностью людей (работников и членов их семей), сами являются объектом демографической политики, в осуществлении которой они принимают непосредственное участие. Нередко этот аспект упускается из виду при формировании идеологии социально-демографических процессов. Нередки случаи, например, когда идеологи демогра-

фической политики (скажем, того же процесса повышения рождаемости), ратуя с трибун за одно, в своей же личной, семейной жизни являют пример противоположной тенденции. Традиционно население (группы семей, его составляющие) относились к разряду *объекта демографической политики*. Подобная «рекогносцировка сил» обуславливала, в конечном итоге, формирование пассивно-терпеливой психологии у населения, у семьи, как его первичной ячейки. Обладая огромной специфической социально-экономической и социально-психологической потенциальной созидательной энергией, семья как первичная социальная ячейка общества может и должна (!) стать субъектом реализации социальной политики в регионе.

9. *Соотношение непосредственных и опосредованных факторов, мер и средств управления при реализации демографической политики в регионе.* К числу непосредственных мер, направленных на управление демографическими процессами в регионе, относятся, например, льготы для работающих женщин, многодетных матерей, платы и надбавки к заработной плате в тех районах, городах и производствах, которые нуждаются в дополнительном притоке рабочей силы. Однако наряду с прямыми мерами регулирования демографических процессов, важное, а нередко и решающее значение имеют косвенные пути, заключающиеся в изменении той социально-экономической ситуации, в которой сформировался определенный режим движения населения. При этом экономические факторы (уровень и структура производства, характер его размещения, уровень специализации и комплексности и др.) оказывают воздействие на интенсивность и направленность развития демографических процессов через опосредующие звенья (социально-культурные, психологические, экологические и др.) большей частью не сразу, а через определенное время. Это является одной из причин того, что при разработке демографической политики эти факторы нередко не принимаются во внимание.

10. *Взаимосвязь социально-типического и индивидуального в прогнозном социальном проектировании.* Как правило, в социально-прогностической деятельно-

сти в качестве основных наблюдаемых объектов выступают или элементы социальной структуры общества (социальные общности, группы, слои, классы), или элементы социальной инфраструктуры (социальные институты, организации, предприятия, учреждения). И в большинстве случаев вне поля зрения исследователей «оказывается важнейший объект наблюдения социального проектировщика – человек – центральная фигура социально-воспроизводственного процесса». Небезосновательны поэтому рекомендации ученых по введению в практику социально-проектных исследований, так называемого «человеческого измерения». При этом отмечается, что «в действующей системе разделения наук социология, как, впрочем, и социальная психология, склонна «растворять» личность в контексте больших и малых социальных групп, и если социальная детерминация человеческой психики в известной степени здесь учитывается, то нравственный, творческий социально-культурный потенциал личности, ее активное влияние на социальные процессы как бы остаются в «подтексте» специализированных социологических и социально-психологических исследований» [133, с. 17].

Социально-типические качества, присущие группе, сообществу, не должны «заслонять» многообразие индивидуальных черт и характеристик индивидов, отдельных групп, семей. При этом важной детерминантой в индивидуализации поведения личности, ключом к пониманию мотивов ее поведения, ценностных ориентаций, установок может служить исследовательский подход, базирующийся на онтогенетической интерпретации ее деятельности (зависимость поведения от возраста индивида, стадии его жизненного цикла, жизненного цикла конкретной семейной группы). «...Двигаясь... от социально-типического к индивидуальному, можно рассматривать и анализировать социальные процессы сквозь призму конкретно-исторических (присущих обществу в целом), социальных (присущих локальным социальным общностям) и личностных (жизненных) ситуаций» [133, с. 29].

Усложнение и дифференциация видов и сфер общественной практики, мобильность в изменении окружающей человека природной и социально-культурной среды оказывают многовекторное обратное воздействие на жизнедеятельность людей. При этом их возможности «к адекватной реакции на качественные изменения в среде существования неограничены. За определенными пределами такие перемены становятся источником напряжений, преодоление которых нередко связано с невозможными затратами времени и сил» [133, с 28]. Источником социальной напряженности являются антиобщественные проявления в поведении индивидов, социальных групп. Еще Н.Г. Чернышевский, давший глубокую антропологическую трактовку генезиса социальных процессов, считал, что понять последние возможно лишь при условии учета общих положений «о натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях» [195, с. 829]. Как бы развивая эту мысль, исследователи-прогнозисты Т.М. Дридзе и Э.А. Орлова пишут: «Можно сделать естественный вывод о том, что корректировать искаженные (отклоняющиеся от социокультурных норм) социальные процессы можно, лишь чутко «отслеживая» и прогнозируя социально значимые (т. е. воспроизводимые, устойчивые, распространенные, связанные с физическим и социальным выживанием) проблемные жизненные ситуации» [133, с. 28].

11. *Диалектическое взаимодействие социального и асоциального в поведении субъекта демографических процессов.* Удовлетворение комплекса материальных и духовных потребностей предполагает причастность индивидов, социальных групп к целому спектру различных видов жизнедеятельности, большинство из которых выступает не только в качестве утилитарного средства достижения той или иной цели, но и является самоценностью для личности (группы). Отсюда эффект «незаменимости» для личности того или иного вида деятельности другим видом. Например, разнородные и многочисленные виды социального обслуживания, обеспечивающие современный образ жизни людей, тесно взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Недостаточное развитие, например, детских досуговых учреж-

дений в каком-либо городе, населенном пункте не может быть компенсировано другими видами обслуживания (скажем, строительством домов ветеранов) или повышением зарплаты [см.: 13, с. 87–89].

12. *Диалектика желаемого (должного) и реально достижимого в социальном прогнозировании.* Основная суть этого методологического положения может быть понятна из приводимого ниже фрагмента, высказанного классиками социально-политической мысли: объективное движение истории нельзя мерить «... по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассмотреть его, как практическое движение обыкновенных людей...» [94, т. 20, с. 65].

13. И, наконец, одним из основных методологических подходов и принципов может быть выделен *временной лаг и степень достоверности социального прогноза.* По мере развития общественных отношений воспроизводственный процесс будет, очевидно, носить все более целенаправленный, управляемый характер. Этап общественного развития, на котором мы находимся, не позволяет пока с большей степенью точности прорисовать сценарий развития общественных процессов (в нашем случае – демографических процессов в регионе) на более или менее отдаленную перспективу по двум основным обстоятельствам.

Во-первых, общественные науки пока не выработали достаточно надежных прогностических инструментариев, позволяющих заглянуть в будущее и увидеть четкую картину предстоящих преобразований.

Во-вторых, нестабильность социально-экономического положения нашего общества в данный период и отсутствие однозначных и точных сценариев развития общественных отношений в предстоящем пятилетии, тем более в десяти-, двадцатилетний период, обуславливают постановку задачи по прогнозированию со многими неизвестными. При этом в качестве неизвестных выступают доминирующие факторы демографического поведения: отношение к собственности, уровень экономического процветания, социально-политическая целостность общества, уровень культуры и др.

Такая неопределенность обуславливает необходимость многосценарного подхода в предвидении развития социально-демографических процессов. По мере удлинения временного шага детали и фрагменты социального прогноза должны быть более укрупнены, более вариабельны. Однако реализация этого принципа и составляет в конечном итоге одну из основных (порой непреодолимых) трудностей, ставящих правомочность и реальность разрабатываемых прогнозов.

2.2. Социокультурные тенденции в репродуктивном поведении семьи

Следует признать, что решение проблемы сохранения на желательном для общества уровне репродуктивной потребности лежит не только в изменении экономической ситуации, но, прежде всего, в сфере ценностных ориентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинные ценности человеческого бытия – семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства, и, что во многом синонимично – молодежная политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

Какие изменения произошли в эти годы в семьях россиян, связанные с их репродуктивным поведением? Много ли детей нужно семье горожан? *«Как Вы считаете, сколько должно быть детей в «нормальной» семье?»* – на этот вопрос (*«Семья–1999»*) были получены следующие ответы (в % от общего числа опрошенных по каждой группе):

Таблица 10

Город	В «нормальной» семье должно быть детей:				
	один	двое	трое	четверо и более	ни одного
В целом	4	69	22	2	1
в том числе:					
Надым	0,6	71	25	3	0,6
Нижневартовск	6	65	24	3	1
Екатеринбург	3	71	21	3	0,7
Челябинск	6	70	22	–	–
Аша	3	69	18	–	3
Самара	6	69	18	–	3
Чита	4	70	21	3	1

Судя по ответам, подавляющее большинство родителей россиян образ «нормальной семьи» ассоциируют с наличием в ней двух–трех детей (91 %). При этом позиции северян практически не отличаются по степени чадолюбия от позиции родителей в семьях «с материка». Лишь четверо из каждой сотни родителей (4 %) считают, что семье можно «обойтись» и одним ребенком. Таким родителям нелишне напомнить мысль А.С. Макаренко: «Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия» [182, с. 312].

Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время особую актуальность представляют аспекты поведения семейной группы, связанной с воспроизводством потомства, другими словами, с культурой ее репродуктивного поведения, его соответствием текущим и особенно стратегическим потребностям воспроизводства российского сообщества. Изучение этих процессов представляет большой научный интерес не только для исследователей этой проблемы, но и для

практики. Иными словами, такой анализ создает базу для дальнейшего развития теории семьи и семейных отношений и определяет теоретико-методологическую актуальность данной работы для государственных органов социально-культурной политики и общественных организаций.

Необходимость выработки и последующей реализации семейной политики определяется, прежде всего, теми неблагоприятными последствиями изменений структуры и функций семьи, которые были инициированы спонтанным ходом исторического развития, процессами индустриализации, урбанизации, милитаризации и другими связанными с ними процессами и которые в своей совокупности характеризуют кризис современной семьи. По всеобщности и глобальности проявления своих негативных последствий этот кризис некоторые специалисты соизмеряют с последствиями экологического кризиса. Специфику процессов кризисного развития российской семьи в советскую и постсоветскую эпохи А.И. Антонов и В.М. Медков небезосновательно связывают со следующим обстоятельством: был осуществлен «естественный» процесс трансформации семьи, «процесс “перехвата” ее социальных функций другими институтами, процесс вытягивания из семьи на арену рыночной экономики практически всех ее членов одного за другим был насильственно ускорен и стимулирован всей мощью тоталитарного государства (индустриализация народного хозяйства и коллективизация) и искусственно сжат до исторически ничтожных сроков, благодаря чему его последствия оказались более разрушительными и трагичными, чем в других странах, шедших “нормальным” путем» [17, с. 242–243].

Сверхогосударствление всей социальной жизни ускорило наступление семейного кризиса, разрушительно сказалось на семье и семейных ценностях, независимо от того, в каких именно формах (насильственных, как в 20-е и 30-е годы, или более мягких, как в послевоенный период, и особенно в годы так называемого застоя) осуществлялось вмешательство государства в жизнь семьи. Семья как социальный институт оказалась подорванной и, начиная с середины 60-х годов,

практически перестала выполнять свои основные функции и прежде всего репродуктивную.

Сужение воспроизводства населения – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической, социальной, культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. Последнее заключается в нарушении процесса воспроизводства рабочей силы как таковой, в снижении качества человеческих ресурсов вследствие ухудшения основных медико-демографических характеристик состояния здоровья регионального социума, в увеличении экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отшедшей от активной экономической деятельности части населения, доля которой увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом и Уральского экономического района в частности, опасной деформации культурных норм и ценностей.

Кстати, о противодействии населения правительству и властным структурам, реализующим в принципе асоциальную политику с устоявшимся уже названием «шоковая терапия». Кроме открытых протестов, свидетелями которых стало российское общество в 90-е годы (забастовки, голодовки, перекрытие железнодорожных и автомобильных путей и трасс сообщения и др.), по мнению московских социологов, «происходит тайная война населения с властями, принимающая в том числе и такие зверские формы, как терроризм» [142, с. 168]. К разряду спонтанного противодействия населения проводимой социальной политики следует отнести и определенную стагнацию репродуктивного поведения семей, проявляющуюся, в первую очередь, в откладывании рождения очередного ребенка, в большинстве своем – второго.

По мнению П.А. Сорокина, факт уменьшения деторождения выступает одновременно и причиной ослабления семьи, и в то же время признаком ее распада. Как-никак, а по своему заданию, отмечает он, «супруги до сих пор вступали в брак, грубо говоря, не только «ради удовольствия», но и продолжения потомства.

Иметь детей и быть отцом и матерью для семьи до сих пор было нормой. Семья без детей была исключением, чем-то ненормальным... Дети как-никак были одним из тех «обручей», которые сплачивали семейный союз, заставляли супругов терпеливо относиться друг к другу, мешали им расходиться из-за пустяков, давали смысл браку» [158, с. 67–68].

Почти век тому назад П.А. Сорокин с известной горечью констатировал, что в «моду входят» «бездетные» браки, что иметь детей считается «неудобным и непрактичным» по целому ряду соображений: «говорят в этих случаях и о трудности жизни, и о материальных и экономических заботах, и о том, что дети – «роскошь», стоящая весьма дорого, и о трудности их содержания, воспитания, обучения, и о том, что они связывают руки, мешают работе или выездам на балы, портят бюст матери и ее красоту, преждевременно ее старят, заставляют отца надрываться в излишней работе и т. д. и т. д.» [158, с. 68].

Как обстоят дела с планами по воспроизводству потомства в семьях уральцев? Каковы условия воспитания детей? Какова культурная среда и интересы семейных горожан в сфере духовной жизни? В исследовании «*Семья–1997*» была предпринята попытка с помощью респондентов из екатеринбургских семей вскрыть эти и некоторые другие аспекты их жизнедеятельности и внутрисемейных отношений, которые определяют сегодня семейно – брачные отношения на Среднем Урале, в частности, в городе Екатеринбурге. Обратимся к анализу конкретных данных.

Поскольку нашим анкетным опросом были охвачены семейные респонденты, мы вправе были задать им вопрос относительно их репродуктивных планов и установок. Опрос показал, что репродуктивные планы жителей Екатеринбурга в возрасте до 49 лет ориентированы исключительно на малодетность. Каждая пятая семья из опрошенных ограничивается одним ребенком. Предполагают иметь двух детей 37 % опрошенных, трех детей – всего 7 %, а четырех и более – буквально единицы. Среднее число планируемого числа детей в расчете на 100 семей полу-

чается 185, или 18–19 детей на 10 семей. Между тем для простого воспроизводства населения необходимо иметь 22–23 ребенка на каждые 10 семей. А для расширенного воспроизводства, т. е. роста населения, на 10 семей должно приходиться 26–30 детей, следовательно, нужна как минимум двух-трехдетная семья. Эти общественные потребности явно расходятся как с реальной практикой, так и с планами екатеринбургских семей.

Мужчины несколько больше ориентированы на рождение второго и третьего ребенка – в целом на 100 семей ими планируется 196 детей (женщинами – 178). Наиболее высокая ориентация на рождение детей в своей семье у студентов: из них 63 % планируют иметь двух детей, 13 % – трех и 3 % – даже четырех. Ориентация на рождение трех детей чаще всего обнаруживается у семей с полным достатком (22 %). Это в три раза больше, чем в семьях со средним достатком (7 %), и более чем в 20 раз больше, чем в семьях, живущих за чертой бедности (1 %). Самая низкая ориентация на будущее рождение детей в неполных семьях, что и понятно – для них непомерно сложно прокормить и вырастить уже имеющихся детей, не говоря о планировании следующих.

Таким образом, четко просматривается, что основной детерминантой в репродуктивных планах является уровень дохода семьи. Ориентация на число детей повышается в соответствии с ростом достатка семьи и наоборот. Однако эта детерминанта не действует абсолютно. Свою роль в репродуктивных планах семьи играет образование супругов: больше склоняются к многодетности лица с неполным средним образованием, а лица с высшим образованием, напротив, чаще ориентированы на одного ребенка [51, с. 82–83].

Как известно, одним из проявлений кризиса семейно-брачных отношений выступает факт внебрачных рождений. В целом по России количество зарегистрированных браков в 2000 году по сравнению с 1990 годом снизилось почти на треть. Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически не оформленных браков привела к тому, что в

2000 году каждый четвертый ребенок родился вне брака. В УрФО удельный вес родившихся вне брака за последние 12 лет составил (%):

Таблица 11

Субъекты РФ	1990 г.	1995 г.	2001 г.
Ямало-Ненецкий АО	14,5	19,4	24,0
Ханты-Мансийский АО	15,2	22,9	25,3
Курганская обл.	13,9	18,5	27,1
Свердловская обл.	16,0	24,5	32,7
Челябинская обл.	14,7	20,5	30,4

Проблема рождения внебрачных детей во многом связана с понижением возрастного ценза активного приобщения молодых людей к половым отношениям. При отсутствии адекватного уровня знаний и культуры в сфере интимных отношений такая акселерация оборачивается для многих молодых представительниц прекрасного пола приобретением статуса «сверхмолодой матери». Ниже приведена статистика за ряд лет (удельный вес родившихся у несовершеннолетних матерей в общей численности родившихся):

Таблица 12

Субъекты РФ	1990 г.	1995 г.	2001 г.	в том числе:	
				город	село
Ямало-Ненецкий АО	2,4	3,3	2,6	2,2	3,8
Ханты-Мансийский АО	2,4	4,0	2,7	2,5	4,8
Курганская область	3,8	5,2	3,7	2,5	5,3
Свердловская область	3,3	4,1	2,9	2,7	4,7
Тюменская область	2,7	4,0	2,9	2,5	4,3
Челябинская область	3,2	4,3	3,2	2,9	4,3

Нетрудно видеть, что «лидерами» в «омоложении» приобретения женщинами статуса матери выступает население Курганской и Челябинской областей. При этом, если в Челябинской области причину лидерства необходимо искать в феномене повышенной урбанизированности, влиянии сверхбольшого города на харак-

тер добрачного поведения молодых людей, то в Курганской области активизацию детородной деятельности у юных представительниц женского пола следует объяснять значительной долей сельского населения, обеспечивающего в настоящее время (в отличие от традиционного в прошлом более целомудренного поведения селянок, по сравнению со своими сверстницами-горожанками) более щадящую среду для появления молодых матерей. Это наглядно прослеживается в данных приведенной выше таблицы (см. два последних столбца).

Анализируя данные этой таблицы, можно с некоторым удовлетворением констатировать, что после своеобразного «бума» появления сверхмолодых матерей на Урале, в том числе в ЯНАО и ХМАО, в середине 90-х годов, к концу десятилетия показатели снизились до уровня начала 90-х годов. Вместе с тем такое снижение вряд ли существенно снижает остроту проблемы в целом. Обратимся к абсолютным цифрам. Число родившихся у несовершеннолетних на Урале в последнее десятилетие составляло (в числителе – город, в знаменателе – село; чел.):

Таблица 13

Субъекты РФ	1990 г.	1995 г.	2001 г.
Ямало-Ненецкий АО	139 / 53	159 / 49	111 / 54
Ханты-Мансийский АО	452 / 70	476 / 95	394 / 77
Курганская обл.	260 / 349	209 / 319	138 / 232
Свердловская обл.	1514 / 372	1330 / 301	948 / 249
Челябинская обл.	1218 / 338	1030 / 411	769 / 303

Согласимся, что за каждой единицей в трех- и четырехзначных цифрах скрываются зачастую маленькие и большие трагедии в семьях родителей молодых матерей, нередко и молодых отцов, не способных, а иногда и не желающих взвалить на себя бремя ведения и обеспечения семьи. Именно этим обстоятельством было продиктовано нереализованное стремление Госдумы РФ законодательно снизить ценз брачного возраста до 14 лет.

Выше шла речь о рождениях детей у сверхмолодых матерей. Но, как свидетельствует статистика, около 70 % ранних беременностей заканчиваются абортом, после чего у половины девочек-подростков развивается депрессия, у каждой третьей – возникают различные воспалительные заболевания, которые во многих случаях ведут к бесплодию. Ежегодно только в Москве производится около 17 тыс. аборт у подростков. Однако подобное происходит во всем мире. Так, например, в Швеции средний возраст начала половой жизни составляет примерно 14–15 лет, но рост беременностей и аборт у подростков не принимает таких масштабов, как в России. Причина этого кроется в ином отношении к подросткам, исходящем из того, что аборт – слишком опасное и дорогое «удовольствие», учитывая возможные последствия для здоровья и стоимость медицинских услуг. Дешевле и дальновиднее вкладывать деньги в сексуальное образование подрастающего поколения, в развитие индустрии контрацепции и службы планирования семьи. Поэтому в большинстве стран разработаны и широко внедряются во всех учебных заведениях программы санитарного просвещения подростков, пропаганды здорового образа жизни, формирования культуры сексуального и репродуктивного поведения, этики семейно-брачных отношений, профилактики и выявления гинекологических заболеваний, предупреждения беременности и родов у женщин юного возраста.

Так, в Швеции сексуальное образование начинается с 10-летнего возраста и является обязательным для всех школьников. «В программу курса входят основы анатомии, физиологии, понятие о беременности и родах, болезнях, передаваемых половым путем, контрацепции, основах планирования семьи. К ведению занятий привлекаются медики, психологи, родители школьников. На школьных медсестер возложена обязанность проведения практических занятий по контрацепции» [32, с. 177–178].

Уместным здесь будет обратить внимание на определенный штамп в общественном сознании о природной (генетической) потребности человека, и в первую

очередь женщины, в материнстве. Как показали исследования врачей из Университета штата Висконсин, выраженность материнского инстинкта напрямую зависит от гормонального статуса женского организма, точнее – от содержания в крови так называемого адренокортикотропин-рилизинг фактора (гормона, участвующего в регуляции функций поджелудочной железы). Если выработка этого гормона по каким-то причинам оказывается ниже нормы, материнский инстинкт практически исчезает – и женщина чуть ли не забывает о том, что у нее есть сын или дочь. Выяснилось и другое: уровень АКТГ-РФ по-разному действует на различные аспекты материнского инстинкта. Так, в первую очередь он действует на так называемую «материнскую агрессию» – стремление матери активно защищать своего ребенка. А вот на стремление матери заботиться о нем гормон практически не оказывает никакого действия.

Соотношение полов новорожденных коррелирует с действием некоторых факторов. В частности, мальчиков больше среди родившихся в браке, чем среди внебрачных детей. Точно так же вторичное соотношение полов меняется в сторону уменьшения доли мальчиков вместе с увеличением возраста матери при рождении и с ростом порядкового номера рождения. Например, у матерей в возрасте до 20 лет на каждые 100 девочек приходится 130 мальчиков, а у матерей в возрасте 38–42 лет – всего 90. Вторичное соотношение полов повышается также во время войн и сразу после их окончания, что связано со сдвигами в возрастной структуре родителей (повышается доля молодых возрастов) и в очередности рождений (повышается доля первых рождений).

Известно, что в ряде развивающихся стран, в которых сохраняется традиционное превалирование установок на сыновей, имеет место дискриминация дочерей, «мягкой» формой которой является худший уход за ними в младенчестве и детстве, а крайним выражением – убийства новорожденных девочек. Как результат, в этих странах наблюдается женская сверхсмертность (особенно в ранних возрастах) и преобладание мужчин в населении. В так называемых «традиционных»

обществах превалирование установок на сыновей часто обуславливает то, что смертность мужчин и женщин в детских и подростковых возрастах как бы «переворачивается» вследствие худшего ухода за дочерьми и вызванной этим сверхсмертностью девочек.

Влияние пола первенца на детность семьи подтвердили и опросы уральских социологов в ряде городов Оренбуржья. Распределение 1360 оренбургских семей по порядку рождения и соотношению детей по полу по всему массиву опрошенных оказалось следующим (учитывался порядок рождения первых трех детей в семье (не более), в случае, когда в семье более трех детей, порядок рождения по полу четвертого, пятого и т. д. ребенка не фиксировался), % от числа семей по каждой ситуации:

Таблица 14

Порядок рождения и соотношение детей по полу	Ситуация	
	все дети, рожденные в семье	дети, живущие в семье на момент обследования
мальчик	10,1	14,6
мальчик – мальчик	16,7	15,6
мальчик – девочка	16,4	13,7
мальчик – мальчик – мальчик	4,2	3,1
мальчик – девочка – девочка	2,1	0,9
мальчик – девочка – мальчик	5,3	3,8
девочка	5,9	12,4
девочка – мальчик	13,8	13,2
девочка – девочка	13,5	12,4
девочка – мальчик – мальчик	2,5	2,0
девочка – девочка – девочка	2,8	2,8
девочка – девочка – мальчик	6,7	5,5

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что имеет место существенная разница в соотношении семей, воспитывающих единственного сына или единственную дочь. Из 209 однодетных семей в 132 (63,2 %) растёт сын, в 77 (36,8 %) – дочь. В семье, ориентированной на рождение и воспитание одного ребенка, появление дочери-первенца, по-видимому, нарушает первоначальные планы супругов. В настоящее время в обыденном сознании неравный морально-этический престиж имеют родители (особенно отец), давшие жизнь в одном случае мальчику, в другом – девочке. Вот почему некоторые родители пытаются рождением второго ребенка «исправить» положение, создавшееся в результате появления в их семье дочери-первенца.

Уместно сказать и другое: несомненно, неравный социально-психологический и нравственный климат устанавливается в семьях, где растут, скажем, два мальчика или две девочки. С учетом родителей в этих двух типах семей мы имеем существенную поляризацию представителей мужского или женского пола. Еще в большой степени подобная неравномерность характерна для семей с тремя мальчиками или тремя девочками.

И еще одно замечание. Естественная потребность родителей иметь в своем ребенке восприимчивого четко выражается в их ориентациях и желаниях иметь девочку или мальчика. Например, исследования, проведенные в Киеве (опрошено 2 тыс. молодоженов), ставили целью выявить мнение вступающих в брак по этому вопросу. Оказалось, что самый желаемый вариант в семье – это мальчик и девочка. При этом в качестве первого ребенка будущие отцы чаще хотели иметь сына, будущие матери – дочь.

Проблемы каждой семьи, в первую очередь молодой, связаны с рождением потомства. Естественно стремление каждой семьи к рождению *здорового потомства, к нормальному течению беременности у будущих молодых матерей и нормальным родам*. Статистика свидетельствует, что низкий уровень репродуктивного здоровья населения, высокая распространенность аборт, а также патологиче-

ские состояния в период беременности и родов обуславливают высокие показатели материнской (44,2 случая на 100 тыс. родившихся), перинатальной смертности, мертворождаемости (7,2 случая на 1000 родившихся) [см.: 3]. На Урале за прошедшие 12 лет также несколько снизилась эффективность деятельности учреждений здравоохранения по сбережению здоровья новорожденных и матерей. Ниже приводятся данные об удельном весе нормальных родов в УрФО (%):

Таблица 15

Субъекты РФ	1990 г.	1995 г.	2001 г.
Ямало-Ненецкий АО	н. д.	30,2	35,8
Ханты-Мансийский АО	н. д.	28,6	30,9
Курганская обл.	59,8	39,5	41,8
Свердловская обл.	32,5	24,5	26,4
Тюменская обл.	49,9	27,1	28,8
Челябинская обл.	37,7	28,2	21,6

Лишь каждые третьи-четвертые роды у матерей на Урале, в том числе в городах и поселениях ЯНАО, проходят с оценкой «нормально». Красноречивы и показатели по уровню заболеваемости новорожденных в стационарах больниц (заболеваемость на 1000 родившихся живыми и мертвыми):

Таблица 16

Субъекты РФ	1990 г.	1995 г.	2001 г.
Ямало-Ненецкий АО	220	278	433
Ханты-Мансийский АО	180	260	315
Свердловская обл.	172	387	476
Тюменская обл.	170	307	380
Челябинская обл.	108	210	290

Особо резко младенческая заболеваемость выросла за последние 12 лет в Свердловской и Тюменской областях, а также в ЯНАО. На сегодняшний день лишь 15 % маленьких тюменцев являются практически здоровыми. Респираторно-вирусные заболевания, такие как ОРЗ и бронхит, являются самыми распростра-

ненными заболеваниями среди детского населения Тюмени. Дети с функциональными отклонениями, которые при ранней диагностике лечатся и корректируются, составляют самую большую группу – 80 %. И 5 % всех детей почти являются инвалидами – они имеют хроническую органическую патологию. Основные причины заболеваемости детей – низкая медико-педагогическая культура населения и поздняя обращаемость к специалисту. Плановая подготовка к беременности, оздоровление родителей перед зачатием, выполнение всех рекомендаций врачей – таковы основные правила для желающих иметь здорового ребенка.

Главное обстоятельство в области здоровья населения – ухудшение материнского и особенно детского здоровья. Складывается парадоксальная ситуация, когда проблемы здоровья перемещаются с групп престарелого населения в группы детей и молодежи. В области здоровья Россия незаметно встает «с ног на голову». Происходит ухудшение здоровья каждого последующего поколения. А это, в свою очередь, чревато снижением качества человеческого потенциала всей нации на длительную перспективу: больное поколение не воспроизводит здоровых. При более высокой продолжительности жизни женщин они обладают более низким индивидуальным потенциалом здоровья (примерно на 10 % ниже, чем у мужчин). Известна строгая корреляция между ухудшением здоровья женщин, прежде всего беременных, и увеличением рождения уже больных детей. В 1996 г. более трети беременных (35,8 %) страдало анемией и почти треть (31,3 %) детей уже родились больными. «Возникает своего рода социальная “воронка”, – отмечает Н.М. Римащевская, – ухудшения качества нации, когда больные рожают больных, а бедные – бедных: и из этой воронки быстро не выберешься; потребуются смена не одного поколения» [142, с. 170].

Специалисты-валеологи констатируют, что в настоящее время мы являемся свидетелями формирования в демографической структуре популяций принципиально нового явления социально-биологического характера, заключающегося в существенном влиянии научно-технического прогресса на формирование здоровья

человека как вида, «угрожая запустить необратимый процесс «адаптивной» модификации и регрессивных процессов эволюции человека» [105, с. 25]. Этот процесс затрагивает, прежде всего, группы населения, проживающие в зонах с неблагоприятной экологической ситуацией.

Особую опасность для репродуктивного здоровья нации, перспектив ее развития представляет нарастающий процесс наркотизации российского сообщества. В течение 11 лет (1975–1986 гг.) число состоящих на учете больных наркоманиями в стране оставалось примерно на одном уровне – около 11 чел. на 100 тыс. населения, в 1992 г. – уже 22, а к 1996 г. – 60 на 100 тыс. населения. Следовательно, за последние 10 лет число больных выросло в 4,2 раза. К началу 1997 г. в медицинских учреждениях страны было зарегистрировано 88 тыс. больных с диагнозом наркомании (59,7 на 100 тыс. населения), более 9 тыс. больных токсикоманиями (6,2 на 100 тыс. населения), а также 53 тыс. лиц (35,8 на 100 тыс. населения), злоупотребляющих наркотиками, и 21 тыс. (14,4 на 100 тыс. населения) – другими психоактивными веществами. Общее количество лиц, которым оказывалась медицинская помощь по поводу злоупотребления наркотическими и ненаркотическими веществами, превысило 17 тыс., что составляет 116 чел. на каждые 100 тыс. населения. Однако, как известно, это лишь небольшая часть реального числа потребителей наркотических средств.

Необходимо отметить, что по отдельным регионам России число впервые зарегистрированных больных наркоманиями колеблется в широких пределах. Так, показатели, превышающие средний уровень (20,7 на 100 тыс. населения), наблюдались в 22 территориях, причем различия между максимальными и минимальными величинами достигают 80 раз.

Наиболее высокий уровень зарегистрирован в регионах, в которых произрастает растительное наркотическое сырье или проходят пути транзита (Дальний Восток, Урал, Западная и Восточная Сибирь), и в портовых городах. Максимальный показатель превышает средний в 3,9 раза. Первое ранговое место занимает

Томская область (80,1), второе – Тюменская область (60,1), третье – Иркутская область (58,9) [107, с. 7].

Об истинных масштабах наркотизации как нормы поведения части населения российского общества можно судить по результатам проведенного нами исследования «*Семья–1999*». «*Есть ли среди окружающих вас людей те, кто принимает наркотики?*» – такой вопрос задавался 1360 родителям подростков, проживающих в 5 регионах РФ. Вот каковы полученные ответы (% от общего числа опрошенных родителей по каждому региону):

Таблица 17

Город	Да, есть	Отчасти	Таковых нет
В целом	19	69	11
Челябинск	16	72	12
Нижневартовск	25	61	13
Надым	12	76	11
Самара	19	73	8
Чита	15	77	14

Нетрудно видеть, что лишь восьмой-девятый взрослый россиянин не сталкивается в своей повседневной жизни с реальными носителями наркотической зависимости. В таком же асоциальном окружении находятся и их взрослеющие дети.

По данным исследований, проведенных в ХМАО, на сегодняшний день он является одним из наиболее насыщенных наркотическими средствами регионов. И не только в крупных городах, но и в небольших поселках наркомания уносит жизни и здоровье многих молодых людей, попавшихся в лапы «белой смерти». Экспертные опросы, проведенные окружными социологами, показали, что если в 1995 г. проблему наркотизации населения северных городов (в первую очередь, молодежной ее части) самой важной для органов власти в ХМАО считал каждый седьмой опрошенный эксперт, то в 1997 г. – уже каждый четвертый. По оценке социологов, стремительное наступление проблемы наркомании застало врасплох практически всех, кто в той или иной мере причастен к воспитанию молодежи.

Опрос, проведенный в 1997 г., показал, что руководители территорий округа достаточно хорошо знают, какие виды наркотиков употребляются наркоманами округа – опий, марихуана, анаша, гашиш, ханка, мак, конопля, «чернушка» и некоторые другие. Специалистам также хорошо известны группы населения, которые распространяют наркотические средства на данной территории (в порядке убывания по частоте упоминания в анкетах, % [165, с. 33–37]):

Представители других регионов СНГ, России (вахтовики, заезжие торговцы, военнослужащие)	79
Жители округа, занимающиеся скупкой-продажей наркотиков	40
Представители стран дальнего зарубежья	25
Нынешние или бывшие заключенные	23
Лица асоциального поведения	15
Учащаяся молодежь	12
Работники учреждений, имеющие доступ к наркотикам	6

Основную причину распространения наркомании и токсикомании среди юношества основная масса экспертов (42 %) усматривает, прежде всего, в самих особенностях подростковой среды; вину родителей, семьи отмечают 27 %; на недостаточную роль работников правоохранительных органов в пресечении этого зла указывают 10 % экспертов. Предопределяющими факторами внутренней мотивации приобщения подростков к алкоголю, наркотикам, иным психотропным средствам большинство экспертов считает, во-первых, нереализованное в других сферах деятельности, имманентно присущее возрасту любопытство, стремление испытать острые ощущения, в том числе «за компанию»; во-вторых, их неведение о пагубных последствиях употребления наркотических веществ.

Последствия приобщения молодых людей к употреблению наркотиков многообразны и опасны как для самого индивида, так и для социума в целом, поскольку наркотизация населения способствует повышению смертности среди молодежи, распространению СПИДа, росту преступности, снижению ее реального и будущего трудового потенциала. Помимо этого, общественная опасность нарко-

мании заключается в том, что она служит базой для люмпенизации определенной части населения. Если говорить о детях, подростках, молодых людях, еще не вступивших в общественное производство и имеющих наркотическую зависимость, то здесь мы имеем своеобразную потенциальную люмпенизацию и расширение субкультуры бедности.

На репродуктивные нормы поведения семьи влияют изменения, происходящие в семейно-брачных отношениях, о чем еще в начале XX века П.А. Сорокин писал: «Вдумчивое изучение ряда явлений показывает, что в настоящее время семья как социально-правовая организация определенного вида переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока лишь в самых общих чертах. Коротко говоря, современная семья изменяется и переходит в наши дни к новой, грядущей семье [158, с. 65].

Вот какие факторы и обстоятельства, служащие свидетельством дестабилизации, ослабления семейных союзов, приводит П.А. Сорокин:

- 1) все быстрее и быстрее растущий процент разводов и «разлучений от стола и ложа»;
- 2) уменьшение самого числа браков, свидетельствующее о том, что все больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака»;
- 3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины;
- 4) рост проституции;
- 5) падение рождаемости детей;
- 6) освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их взаимных отношений;
- 7) уничтожение религиозной основы брака
- 8) все более и более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством [158, с. 67].

Обращение к трудам современных исследователей показывает, что у некоторых ведущих социологов-семьеведов мы прямо можем встретить своеобразную упадническую оценку современного состояния и тенденций развития социального института семьи. «Институциональный упадок семьи в связи с перехватом семейных функций социальными институтами и сменой семейного производства рыночной экономикой, – отмечает А.И. Антонов, – негативно оценивается в рамках теоретической и социальной парадигмы фамелизма в связи с очевидным невыполнением семьей общественных функций по рождению нескольких детей и их социализации» [14, 38] В условиях постоянного нарастания кризисных явлений не только резко обостряется социально-демографическая ситуация в стране, констатирует Г. Климантова, «но идет фактическое разрушение института семьи. Семья перестает выполнять свои основные функции по обеспечению рождения и воспитания детей, идет утрата нравственных ценностей в этой сфере. Значительные нарушения в функционировании семьи объективно ведут к разрушительным процессам в детской среде» [89, с. 42].

Будет уместно здесь привести данные об основных причинах распада браков, полученные социологами Института экономики в исследовании по бракоразводным делам в г. Магнитогорске. Вот мнение магнитогорских судей (выступавших в роли экспертов) о причинах распада уральских семей (% от общего числа бракоразводных дел – 243):

Таблица 18

Причины распада семей	Развод по вине:	
	мужа	жены
Пьянство, алкоголизм	57	4
Утрата чувства любви, эмоциональная холодность	28	26
Утрата уважения к супругу	19	23
Случайная любовная связь	12	4
Жестокость	12	–
Длительная любовная связь	10	3

Эгоизм, себялюбие	8	0,4
Недостаточное участие в домашней работе	7	3
Наличие другой фактической семьи, возврат в семью от предыдущего брака	3,3	1,2
Скупость	2,5	0,8
Сексуальная неудовлетворенность	1,6	2,5
Физиологическое отвращение к супругу (супруге)	1,2	6
Сварливость	1,2	2,9
Другие причины	7	8

Если оценить результаты экспертизы в целом, то, по мнению судей, большинство браков в Магнитогорске распадаются по вине мужчин. Соотношение указанных судьями причин вины мужа и вины жены составляет пропорцию 2:1. Главной причиной распада брачного союза называется алкогольная зависимость мужчин.

Анализируя проблемы неполных семей, нельзя не задаться следующим вопросом: является ли довольно широкое распространение такого типа семей в российском обществе следствием специфических неблагоприятных условий в нашей стране или это отражение общих тенденций в развитии семейно-брачных отношений, характерных для современных цивилизованных стран? Стабилизация семейно-брачных отношений большинством наших семейведов-исследователей небезосновательно связывается с развитием самого института брака, санкционированного и охраняемого государством и его законами. Вместе с тем для определенной части людей (как в нашей стране, так и за рубежом) сам факт заключения брачного союза ассоциируется с посягательством на личную свободу, независимость. Как показывает практика, в западных странах нарастает тенденция образования своеобразных семейных союзов вне заключения официального (гражданского) брака. В лексиконе зарубежных специалистов появился своеобразный социально-экономический термин – «*домохозяйство на одного человека*». Более или менее постоянно встречаясь, люди предпочитают жить отдельно. В первую очередь, эта

тенденция характерна для больших городов. Как правило, такие семейные союзы бездетны или в лучшем случае однодетны.

Важнейшей частью представлений о жизненном успехе у большого числа людей выступает факт благополучности семьи, стабильность семейного союза. Вместе с тем проблематичным представляется выделение критериев квалификации изменений, происходящих в семейно-брачных отношениях, и отнесения их, с одной стороны, к разряду кризисных (деградационных, упадочных), а с другой – трансформационных (эволюционных). Такими критериями для рассматриваемых институтов, считает А.Р. Михеева, является приверженность общества тем нормам (моральным, культурным), которые составляют основу этих институтов. Если речь идет о семье, отмечает она, то, «имеются в виду нормы репродуктивного, социализирующего поведения, деятельность родственников по обеспечению общим жильем, едой, одеждой; а также забота о слабых, больных членах семьи» [102].

Важно подчеркнуть, что государственная семейная политика базируется на принципах признания самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития. Экономические, правовые и идеологические меры государственной семейной политики должны не регламентировать поведение семьи, а способствовать ее саморазвитию, предоставлять возможность выбора форм поддержки [4].

Было бы примитивным отождествлять свободу демографического поведения лишь со свободой возможности прервать беременность или иметь доступ к качественной и дешевой контрацепции. В первую очередь, такая свобода – это реальная возможность семьи родить второго, третьего или четвертого ребенка, подкрепленная уверенностью в определенном уровне минимальных социальных гарантий поддержки детей со стороны государства (общественности). Государство не вправе навязывать семье модель детности: «три ребенка – хорошо», «один – плохо». Говоря о желательном уровне детности, государство подтверждает, обращаясь к классической формулировке, что в «рождении новой жизни кроется общест-

венный интерес», при этом одновременно выражается готовность разделить с семьей ответственность за содержание и воспитание детей. Важно подчеркнуть, что, гарантируя минимальную социальную поддержку, государство именно разделяет с семьей ответственность, а не освобождает от нее.

2.3. Культура демографического поведения семьи и процесс социализации детей

«Семья, – отмечал В.А Сухомлинский, – это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функция школы всегда будет сводиться к перевоспитанию», и далее: «Главный смысл и цель семейной жизни – воспитание детей. Главная школа воспитания детей – это взаимоотношения мужа и жены, отца и матери» [173, с. 63, 344]. Основополагающая функция семьи как первичной социальной ячейки общества – воспроизводство и социализация потомства. Насколько адекватно отражают этот важный социальный заказ общества российские семьи?

Согласно традиции, идущей от О. Конта, семья, как основная единица (клеточка) общества и его наиболее устойчивый институт, подвергалась изучению, прежде всего, с точки зрения ее социализационной функции. Социологи изначально видели в ней ту основу, на которой формируются политические структуры, складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ). Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества, что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое и происходит соединение традиции и новаторства. Тем самым взгляд исследователя фиксировал момент, связан-

ный с особым содержанием жизни семьи, благодаря которому в ней совершается творческая переработка материала действительности [86, с. 53].

По мнению А.Я. Флиера, социальный опыт весьма многообразен, амбивалентен, порождается массой различных факторов; требует значительных усилий по своей систематизации и селекции. Он воплощается в неисчислимой массе форм на самых неожиданных носителях (от устных преданий и нравственных установлений до каменных изваяний со сводами законов). Во всем многообразии информационного поля человеческой жизни именно социальный опыт является «предметом наиболее тщательной и непрерывной интеллектуальной рефлексии в качестве важнейшего средства социальной самоорганизации, самосохранения и социокультурного воспроизводства общества. Это можно охарактеризовать как непрерывно действующую систему общественного самоконтроля на предмет выявления возникающих зон чрезмерного напряжения – как в области социальных интересов, так и особенно в эмоциональной сфере человеческой психики» [186, с. 170].

Эволюция содержания и методов социализации неразрывно связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. Вполне закономерно, что по мере усложнения и обогащения культуры объем передаваемых из поколения в поколение знаний, умений и навыков увеличивается. Параллельно дифференцируются и специализируются и сами факторы их сохранения и трансформации от поколения к поколению, посредством участия многочисленных чередующихся поколений людей в производстве и воспроизводстве непосредственной жизни, в постепенном сотворении собственной истории. Этот процесс исторически базируется на материалистической связи людей, благодаря которой «образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества» [99, т. 27, с. 402]. Созидательная деятельность каждого из сменяющих друг друга поколений исторически обусловлена объектно-субъектными отношениями и предпосылками. С одной стороны, каждое новое поколение застает уже готовые производительные силы, капиталы и обстоятельства. Поэтому свою исто-

рию люди «делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [99, т. 8, с. 119].

Важно и то, что деятельность последующего поколения знаменует новый прогрессивный скачок в непрерывной человеческой истории. Этот скачок связан, прежде всего, с тем, что поднимаются на новую качественную ступень производительные силы общества и изменяются соответствующие этим силам формы общественных отношений. Поступательное, прогрессивное развитие общества обусловлено постоянным развитием, наращиванием производительной силы совокупного субъекта истории.

Те преемственные связи, которые осуществляются в ходе общего процесса социокультурного развития и в которых семья играет существенную роль, отличаются сложным, многоуровневым характером. Над семейными и групповыми формами преемственности надстраивается множество других форм – профессиональных, этнических и т. д. Их совокупное развитие составляет основу накопления человеческого опыта, значимость которого, в конце концов, может оказаться шире традиций одного или нескольких человеческих коллективов. И тогда опыт выходит за рамки одной какой-либо традиции. Оказавшись шире традиции, он обретает более широкие возможности и начинает использоваться при становлении новых традиций. Способность семьи отзываться на любые изменения в общественной жизни может стать причиной того, что по мере усложнения социальных механизмов она начнет подвергаться трансформациям, масштабы и степень которых вызовут опасения за ее дальнейшую судьбу. С развитием НТР такая ситуация становится вполне реальной [86, с. 59].

На уровне семейной группы культура выступает как особый способ социальной преемственности поколений. В отличие от биологического наследования потомками благоприобретенных предшествующими поколениями признаков, со-

циальный опыт «генетическим кодом» от поколения к поколению не передается. Для сохранения и наследования этого опыта обществом создается особый социальный механизм (культура), благодаря чему достигаются следующие функции:

1) *адаптивная*: включение каждого нового поколения (и любого индивида в нем) в систему существующих общественных отношений, в созданную предшествующими поколениями материально-вещественную среду, включающую средства и способы ее воспроизводства; здесь можно говорить об адаптационной функции культуры как средства приобщения к социальному опыту, накопленному предыдущими поколениями;

2) *семиотическая*: передача социального опыта, опредмеченного в определенных знаковых системах науки, искусства, морали, от одного поколения к другому;

3) *гуманистическая*: воспитание и формирование определенного, соответствующего интересам данного сообщества, социальной группы, типа человеческой личности;

4) *аксиологическая*: целенаправленный отбор для сохранения и распределения тех ценностей культуры, которые в наибольшей степени способствуют формированию именно такого типа личности;

5) *креативная* (созидательная): созидание новых материальных и духовных ценностей, опредмечивающих новый социальный опыт, результаты творческой деятельности социального субъекта.

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения обусловили не только актуальность вопросов устойчивого и безопасного развития государства. В число наиболее острых социальных проблем выходит проблема формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые для

современного этапа развития цивилизованного человеческого сообщества черты работника, гражданина, семьянина.

Выдающиеся представители функционализма – П. Сорокин, Р. Мертон, Т. Парсонс, как известно, анализируют семью с точки зрения ее функций или социальных потребностей, которым она служит. При этом особое значение в функционалистских теориях семьи придается изменению функций семьи, которые происходили в течение последних 200 лет. В связи с развитием промышленного производства за последние два века семья перестала быть совместным кооперативным трудовым объединением, ибо члены семьи стали трудиться вне дома в сфере общественного производства, в силу чего исчезло строгое сословное закрепление семейного статуса. Введение системы массового образования (общего и профессионального) резко изменило содержание важнейшей функции семьи – социализации детей. Наряду с семьей резко увеличилось число агентов социализации.

Согласно представлениям Т. Парсонса, все социальные системы (не составляет здесь исключения и семья) реализуют набор, состоящий из четырех основных функций. Первая из них – *адаптационная*, призванная приспособлять (адаптировать) социальную систему к изменениям как внутреннего, так и внешнего порядка. Вторая универсальная функция связана с *целестижением*, обеспечивающим саморазвитие системы, ее дееспособность. Третья функция – *интеграционная* – связывает все свои компоненты и функции между собой в систему. И, наконец, последняя функция – *удержание образца*, которая наряду с тенденцией к изменчивости социального явления с целью самосохранения и устойчивости способствует удержанию и передаче образцов поведения, культурных принципов и ценностей. Благодаря этой функции семья становится агентом передачи культурных традиций, обычаев от поколения к поколению, обеспечивая их преемственность. В классификационной схеме Т. Парсонса приоритетное место и роль отводится системе родства, контроля сексуальных отношений и социализации [196, с. 34–35].

Обратимся к характеристике механизма преемственности поколений. Социальный опыт накапливается в ходе истории, рефлексивируется и отбраковывается в процессе интеллектуальной обработки, проверяется и корректируется в ходе социальной практики и, разумеется, транслируется с помощью коммуникативных связей между людьми. Конечно, вся культура не сводится лишь к одному социальному опыту. Но он – почва, упорядоченная территория освоенных смыслов и правил коллективного существования людей, вне которой подобное существование оказалось бы лишенным социокультурной (и цивилизационной) продуктивности. Одним из основных инструментов достижения такого рода продуктивности социокультурного бытия человеческих сообществ является коммуникативно-информационная составляющая их культуры.

Важнейшим мотиватором группового существования (в нашем случае – семейной общности, группы) выступает решение задач поддержания и воспроизводства их общности как социокультурного феномена, носителя свойственных только данной группе культурных особенностей сознания и поведения. Но поскольку эти культурные особенности не «падают с неба» и не являются биологически запрограммированными, а постепенно формируются в процессе длительного накопления опыта совместного проживания (адаптации к ландшафту и внешнему социальному окружению, внутренней самоорганизации сообщества, познания мира, селекции этого опыта, кумуляции отдельных его черт в ценностных формах и принципах, фиксации и интерпретации в «культурных текстах» и т. п., а главное – в результате действия очень сложного механизма его передачи следующим поколениям), то становится очевидным, что «основа основ» устойчивого коллективного существования – социальная солидарность – является продуктом социального опыта истории данного общества, выраженным в формах его культуры [187, с. 168].

При огромных потенциальных возможностях общества по организации общественного воспитания детей система учреждений по уходу за детьми ясельного

возраста (до трех лет) уже в так называемый «период застоя» получила далеко не всеобщее развитие и имеет тенденцию к определенному свертыванию, другими словами, тенденцию к переносу центра тяжести по уходу и воспитанию малолетних граждан в семью. Подтверждение тому – резкое снижение сети детских дошкольных учреждений и учреждений общественного воспитания и призерия школьников, в первую очередь младшего и среднего школьного возраста. Значительное влияние оказывают семья и другие неинституционализованные объединения (компании друзей, соседи, любительские объединения и т. п.), составляющие среду ближайшего окружения молодых людей и на последующих этапах их взросления. Показательным является хотя бы факт доминирования влияния семьи, родителей, друзей на формирование ценностно-ориентационного блока личности подростка, в частности, на формирование жизненных планов и их реализацию на этапе профессионального обучения.

Говоря о субъектно-объектных отношениях в процессе включения молодых поколений россиян (и не только их) в социальную структуру общества, нельзя забывать, что важнейшим фактором процесса включения является сама молодежь. Для прогнозирования степени ее включенности в социальную структуру общественного устройства необходимо, очевидно, выявить социально-мотивационную структуру жизненных планов и, в частности, ее жизненного самоопределения. Важно рассмотреть становление социально-профессионального выбора молодых людей, стоящих на «пороге взросления». Другими словами, молодежь следует рассматривать не только как объект воспитательного воздействия представителей старшего поколения, но и как активный субъект процесса включения самое себя в социальную структуру общества, в котором ей предстояло появиться.

Важно осознавать, что выбор молодым человеком своего социального статуса и профессии не исчерпывает всей сложности процесса социально-профессионального и тем более жизненного самоопределения. Отсюда необходимость целостного подхода к изучению этого процесса, охват различных срезов со-

циальной структуры общества, компоненты которых являются непосредственными объектами жизненного самоопределения молодежи.

По мнению Н.Е. Покровского, например, в качестве основы возможной системы восстановленной нравственности важно опереться на ряд базовых принципов, тесно связанных друг с другом и способных создать общую конструкцию, без *консолидированной* реализации которой мы никогда не продвинемся вперед и, более того, никогда не станем единым обществом. В число ключевых проблем общественной морали он включает уважение к личности, труду, профессии и знаниям, к нравственности и духовным ценностям; ограничение потребностей (разумный минимализм); справедливость; Россию как единую социокультурную и историческую общность. Поясняя последнюю позицию, Н.Е. Покровский справедливо отмечает, что «Вне представлений о целом (страна, общество, государство), от которого зависит и с которым соотносится каждый отдельный человек, в российских условиях нравственные ценности не могут конструктивно реализовать себя. Всякого рода жонглирование идеями возможного распада России или ее поглощения глобальным сообществом признается неприемлемым по определению» [144].

По данным социологических опросов, семья в системе ценностей человека (по вербальным самооценкам) занимает лидирующую позицию. Например, по данным опроса мнений ВЦИОМ «Семья в зеркале общественного мнения», проведенного в 1989 г., для 90 % респондентов важнейшая ценность – «вырастить детей, обеспечить им будущее», для 86 % – создание прочной семьи. В качестве главных целей семейной жизни указывались желание иметь детей (56 %) и стремление находиться рядом с супругом. Более 60 % состоявших в браке и овдовевших связывали ценность брака с желанием иметь детей и продолжением рода, в то время как среди холостых такого же мнения придерживались только 40 % респондентов [112, с. 77].

Основу родительского воспитания можно представить в виде двух слагаемых: одно из них – деятельность семьи, направленная на изменение форм поведе-

ния ребенка, второе – представление родителей, зависящее от их устремлений, о том, каким должно быть поведение ребенка на данном этапе развития, представление [164, с. 71]. При этом социализирующая и воспитательная функция семьи реализуется через формирование фундаментальных ценностей, идеалов, выработку жизненных целей, способов их достижения. Чем сплоченнее семья, чем сильнее семейное *мы*, тем эффективнее ее воздействие на личность.

Прописывая основные диспозиции родительской семьи в реализации функции социализации потомства в части отношений родителей и их детей, с одной стороны, а с другой – государства и семьи, П.А. Сорокин отмечает, что семья, являясь самостоятельной ячейкой, скрепленной половым союзом, выступает независимым хозяйственным целым («домашний очаг») и первой школой и воспитателем. «Государство, – писал он, – почти не вмешивалось в этот внутренний распорядок семьи. Она была ограждена своего рода запретной стеной, за черту которой, кроме случаев исключительных, носящих уголовный характер, государственная власть не переступала. Она предоставляла семье полную самостоятельность и ревниво оберегала ее прочность, независимость и ее основы... Одним словом, семья была цельной общественной единицей, ведущей свою самостоятельную жизнь в государстве» [158, с. 66].

«С падением родительской власти, – отмечал в начале XX века П.А. Сорокин, – исчез и “клей” принуждения. Связь отцов с детьми стала зависеть от воли не только первых, но и вторых. То, что раньше дети должны были терпеть, теперь они не обязаны. Если раньше они при всей тягостности их доли должны были эту связь поддерживать, то теперь они свободно разрывают ее, не жертвуя ни совестью, ни честью, ни благосостоянием. Раньше дети были рабы, теперь они свободные и равноправные с отцами личности. Раб терпит все, личность требует уважения к себе и протестует против посягательств на ее права [158, с. 72]. Еще в 1911 г. русский профессор П.И. Люблинский, анализируя деятельность судов по уголовным наказаниям, отмечал, что семья, которую издавна привыкли называть

«ячейкой общественной жизни», уже во многих случаях перестала быть необходимой формой для рождения и воспитания детей: в других случаях «узы семейной жизни являются крайне слабыми, и с каждым годом влияние семьи в области воспитания все более и более суживается» [158, с. 72–73].

Существенным шагом по пути эмансипации детей из-под власти родителей явилась разработка и принятие в 1995 г. Семейного кодекса Российской Федерации. В нем в значительной степени преодолены недостатки других концепций и программ, посвященных проблемам семьи. Подробно рассмотрены все стороны жизнедеятельности семьи. Впервые в советском и российском законодательстве были особо оговорены права детей (ранее речь обычно шла лишь о правах и обязанностях родителей). В соответствии с Семейным кодексом ребенок имеет право «выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства» [ст. 60]. Раньше родители сами решали за ребенка, с кем ему жить или как общаться с родителями в случае их развода, где учиться, можно ли ездить к бабушке и дедушке. Если между родителями возникали разногласия, то они разрешались органами опеки или судом. Мнение ребенка при этом не учитывалось. Сейчас же «учет мнения ребенка, достигшего 10 лет, обязателен за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего 10 лет».

В Семейном кодексе оговорены и имущественные права ребенка [ст. 63]. И наконец, по новому Семейному кодексу ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Защита прав осуществляется родителями, а в случаях особо оговоренных – органами опеки и попечительства, прокурором и судом. Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих). «При нарушении прав ребенка, в том числе при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспита-

нию, либо при злоупотреблении родительскими правами, он вправе самостоятельно обращаться за защитой своих прав и интересов в органы опеки и попечительства, а по достижении 14 лет – в суд» [ст. 59]. Раньше такого в нашем законодательстве не было.

Весь Кодекс пронизан идеей защиты интересов детей, что понимается в первую очередь как обеспечение их нормальной жизни и воспитания именно в семье как наиболее оптимальной среде для всестороннего развития детей. Таким образом. Семейный кодекс РФ исходит из того, что ребенок в семье – самостоятельная личность, субъект, а не объект собственности родителей.

Вместе с тем, по нашему мнению, в Семейном кодексе нет некоторых важных положений, которые могли бы существенно помочь детям, молодым людям. Прежде всего, нет главы или хотя бы статьи, в которой бы предусматривалась обязательная подготовка супругов к семейной жизни (с точки зрения их готовности и умения ухаживать, воспитывать, содержать, предоставлять необходимый материальный минимум для будущих детей). Недостаточно четко и подробно проработаны вопросы о детях из асоциальных семей. В Кодексе сказано, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений родителей, а с 14 лет он может самостоятельно обращаться в суд. «Однако, – как справедливо пишет Е.Б. Бреева, – дети не знают об этом, и трудно предположить, что они, особенно малолетние, будут читать Семейный кодекс. Еще более сложно представить, как они обратятся в суд или даже в органы опеки или попечительства. Очень велико и значение существующего общественного мнения о приоритете прав родителей» [32, с. 127–128].

«Семья – это та первичная среда, где человек должен учиться творить добро, – отмечал В.А. Сухомлинский. – Главный смысл и цель семейной жизни – воспитание детей. Главная школа воспитания детей – это взаимоотношения мужа и жены, отца и матери». Как свидетельствует практика и народная педагогика, совместный педагогический фронт родителей в деле воспитания своих детей (своего ребенка) – залог успешности воспитания физически и нравственно здорового по-

томства. Формируются ли подобные сплоченные фронты в семьях северян? «Ссоритесь ли Вы со своей супругой (супругом), когда Ваши мнения по поводу воспитания детей расходятся?» – на этот вопрос ответы родителей (опрос «Семья–1999») распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Таблица 19

Город	Как правило, всегда	Изредка	Как правило, никогда
В целом	13	62	17
Надым	11	66	13
Нижневартовск	11	61	19
Екатеринбург	16	60	19
Челябинск	10	60	23
Аша	16	69	9
Самара	15	61	16
Чита	11	56	19

Мирное педагогическое сосуществование нами зафиксировано лишь в каждой шестой российской семье (17 %). Несколько меньше их в Надыме (13 %), несколько больше в Нижневартовске (19 %). Наибольшее взаимопонимание в деле воспитания детей мы зафиксировали в семьях челябинцев (23 %). Постоянные педагогические стычки («бои местного значения») идут в каждой шестой-девятой семье (11–16 %).

Было бы неверным представлять дело так, что отсутствие или редкость конфликтов родителей по поводу воспитания детей – несомненный положительный фактор, свидетельствующий об обоюдных, согласованных и зрелых педагогических действиях супругов. Одновременно эта ситуация может говорить о простом невмешательстве, отстранении от вопросов воспитания одного из родителей. В условиях Крайнего Севера в такой индифферентной педагогической роли выступает отец с его постоянными командировками, большой занятостью на производстве.

Никто, очевидно, не будет отрицать того положения, что решающим фактором в становлении личности молодого гражданина был, есть и останется родитель, учитель, воспитатель, т. е. старший человек, который призван в силу естественно-исторического долга участвовать во всеобъемлющем процессе преемственности поколений, в результате которого индивиды «как физически, так и духовно творят друг друга» [99, т. 3, с. 36]. Заметим, кстати, что применительно к семье это положение справедливо в большей своей части и для взрослых членов этой малой специфической группы. Ф. Энгельс в своей классической монографии «Положение рабочего класса в Англии» писал: «...Мать, у которой нет времени заботиться о своем ребенке и дарить ему первые годы жизни самую обыкновенную материнскую ласку, – мать, которой редко удается видеть своего ребенка, не может быть ему матерью, она неизбежно относится к нему равнодушно, без любви, без всякой заботливости, как к совершенно чужому ребенку. И дети, выросшие в таких условиях, позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома в той (!) семье, которой впоследствии обзаведутся, потому что слишком привыкли к жизни в одиночку, и это неизбежно еще более способствует разрушению семьи...» [99, т. 2, с. 374–375].

Исследования убедительно показывают, что в настоящее время в каждой городской семье россиян складываются неповторимые педагогические ситуации, связанные как с уникальностью каждой семейной общности, так и с уникальностью социально-психологических черт и качеств детей, детских семейных микроколлективов. Это обстоятельство непременно требует установки и реализации соответствующей тактики и стратегии учебно-педагогической деятельности школы, семьи, городской общественности.

Если обратиться к механизму преемственности опыта старших поколений младшими на уровне и в условиях семейной микрообщины, то можно считать, что последняя в качестве социально-психологической целостности оказывает социализирующее воздействие на личность посредством *нормативного* и *информаци-*

онного влияний. Нормативные влияния предписывают младшим и старшим членам семьи определенные образцы, модели поведения, что позволяет действовать в соответствии с принятыми в данной социокультурной среде и усвоенными личностью стереотипами. В механизме воздействия нравственно-психологического климата на формирующуюся личность важное место занимает личный пример родителей.

В ранние годы жизни наиболее существенно для ребенка влияние не только матери, но и отца. Многочисленные социологические исследования показывают, что функции отца в семье претерпевают сравнительно быстрые и серьезные изменения. Отсутствие отца в современном обществе сказывается более деструктивно, чем в традиционной ситуации, когда воспитательная работа с ребенком была преимущественно «женским делом». Ребенок, растущий без отца, лишен мужского примера, который особенно значителен для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения, но важен также и для девочек в качестве модели их будущего партнера [124, с. 122–123].

Ребенок без отца страдает, как правило, от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, который в нормальных условиях олицетворяется отцом [92, с. 118]. Важно также влияние братьев и сестер на развитие ребенка. Старшие братья и сестры с первых дней жизни ребенка являются значимыми для него, хотя по своей роли не менее важно общение с младшими братьями и сестрами. Еще в XIX веке итальянский социолог Франческо Нитти писал: «Многочисленная семья заставляет сильнее всего чувствовать связи, соединяющие нас с теми, которые жили до нас, и с теми, которые будут жить после нас; ничто, напротив, не способствует в такой степени индивидуализму, эгоизму и пессимизму, как сознание, что мы – последнее звено целой цепи существ, которые жили до нас» [110, с. 216].

Опираясь на этнографические данные, американский социолог М. Мид в работе «Отцовство у человека – социальное изобретение» обосновывает определяющую роль отца в возникновении и сохранении института семьи. Он пишет:

«Семья, это структурированное объединение двух полов, где мужчины играют определенную роль в обеспечении женщин и детей, была первичным условием возникновения человечности...» [177, с. 105].

Рассматривая социально-символическую интерпретацию функции отца в процессе социализации ребенка, московский социальный психолог М.А. Титова считает, что такую структуру, как семья, «невозможно отменить до тех пор, «пока существует говорящий человек, пока присутствует в человеческом мире символический регистр». Если порой и производятся подобные попытки, – отмечает она далее, то они скорее оказываются разрушительными для их инициаторов, ибо «функции “имени Отца” первичнее воли человека» В доказательство она обращается к практике психозов, которая показывает, что при отвержении функции “имени Отца” данная функция начинает действовать извне и становится «источником разрушительного ужаса, внушаемого всем окружающим» [177, с. 106]. Показательны в этом плане выводы М. Мид, которая, говоря о случаях «ликвидации семьи», доказывает в то же время, что саму структуру семьи ликвидировать невозможно. В качестве примера ею приводится один из исторических фактов подобной «ликвидации», реализованной в нацистской Германии. «Рождение внебрачных детей всячески поощрялось, – пишет она, – для таких детей и их матерей оборудовались превосходные ясли, и государство полностью заменяло отца, беря на себя обеспечение ребенка... Однако, попытавшись разрушить семью, государство само принуждено выполнять отцовскую функцию. Но поскольку никак нельзя считать, что единственной функцией отца является обеспечение ребенка, то государство заведомо не может полноценно справиться с подобной ролью. И такое нарушение символического неизбежно повлечет губительные последствия для самого государства, что и было доказано историей» [177, с. 106].

Кстати, в шведском законодательстве понятие «домашний отец» закрепилось в качестве вполне официального термина. По действующим правилам, после появления ребенка родители могут выбрать, кому из них оставаться дома, а кому

продолжать работать. И если мужчина решит стать «домашним отцом», государство отнесется к его выбору с пониманием. Почти целый год – 360 дней – тому из родителей, кто добровольно заступает на домашнюю вахту, выплачивается 80 % его зарплаты.

Существенным фактором семейной социализации является стабильность семьи. Нестабильность семьи детерминирована многими причинами: смертью одного или обоих родителей, смертью детей (брата или сестры), разводом или повторным браком, потерей работы родителей, сменой места жительства и т. п. Развод, как правило, является для всех членов семьи сильнейшим потрясением, нарушающим стабильность семейной среды, что, в свою очередь, отражается на поведении ребенка. На Схеме 1 в какой-то мере субординируются причины, обстоятельства и последствия формирования неполных семей в условиях России.

Данные социологических исследований показывают, что неблагоприятная для развития детей социально-психологическая обстановка в семье характеризуется целым рядом обстоятельств и состояний. Среди них:

- 1) общая конфликтность;
- 2) дефицит общения, особенно отцов с детьми;
- 3) нехватка взаимопонимания и эмпатии;
- 4) преобладание взаимного отчуждения и авторитарно-командного стиля отношений;
- 5) распространенность наказаний (в том числе физических) по сравнению с различными формами поощрения и поддержки детей;
- 6) сверхопека и завышение требований родителей к детям в одноподдетных семьях и др.

Следует добавить, что количественным показателем неэффективности социализации детей могут служить «уровень абсентеизма» (отсутствия) отцов, уменьшение количества времени, которое родители проводят со своими детьми, увеличение продолжительности одиночества ребенка и времени, проводимого в

школе или с ровесниками [129, с. 71].

Процесс социализации в современных условиях сложен и противоречив. Растет число конфликтных ситуаций, порожденных разногласиями в представлениях, взглядах, мнениях членов семьи. Каждого седьмого подростка беспокоят отношения с родителями (59 % детей вступают в конфликты). В случае возникновения разногласий большинство родителей (61 %) проводят с детьми серьезный разговор, 19 % – лишают их удовольствий, а 6 % – применяют физические наказания. Основные жизненные ценности и цели современных подростков распределяются следующим образом: хотят иметь хорошую семью – 66 %, интересную профессию – 41, получить образование – 38, хорошую работу – 34, достичь материального благополучия – 31,5, приносить пользу людям – 24,5 %. При этом примерно треть детей считает образцом семейную жизнь своих родителей [128, с. 39].

Что же дает молодому человеку семейная жизнь? Вопрос анкеты, на который ответили 320 молодых жителей г. Надыма (опрос проводился в 2002 г.), звучал следующим образом: «*Что в семейной жизни приносит Вам истинное удовлетворение?*» Можно было выбрать любое количество вариантов ответа, но мнения наших респондентов опять-таки распределились в пользу факторов взаимопонимания и эмоциональной поддержки (% от общего числа опрошенных):

Взаимопонимание	65
Воспитание детей	53
Эмоциональная поддержка	51
Регулярные сексуальные отношения	43
Бытовой комфорт	34
Возможность быть самим собой	32
Возможность отдохнуть, расслабиться	29
Материальное благополучие	20
Возможность разделить обязанности	19
Другое, затруднились ответить	7
Ничего не приносит удовлетворения	2

Практически каждый опрошенный находит удовлетворение какими-либо аспектами семейной жизни, вариант же *«Ничего не приносит удовлетворения»* отметили менее 2 % респондентов. Похоже, что в ответе на этот вопрос молодые надымчане руководствуются старинной истиной – «не в деньгах счастье», вариант «материальное благополучие» практически замыкает список ценимых молодыми супругами факторов и обстоятельств достижения чувства удовлетворенности в брачном союзе и семейной жизни. Добавим к этому, что более половины респондентов не смогли или затруднились определить негативные проявления семейной жизни. Те из них, кому повезло меньше, считают, что семейная жизнь (увы!) предполагает «ограничение личной свободы» (18 %), каждый десятый вынужден выслушивать «постоянные критические замечания», почти столько же сталкивались с проявлениями «невнимания и безразличия». Некоторые ответы рисуют еще более неутешительную картину – «грубое отношение и оскорбления» (5 %), «насилие и агрессивное поведение» (1,6 %).

Особый аспект семейного воспитания – подготовка детей к будущей семейной жизни, к сфере взрослых половых отношений. Нужны ли молодым россиянам «уроки любви» в преддверии свадьбы? Один из вопросов в анкете *«Семья–1999»* был сформулирован следующим образом: *«Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в свой первый брак, имея опыт сексуальной жизни?»* Респондентам предлагалось оценить эту ситуацию отдельно в отношении мужчин и отдельно – женщин. Вот какие были получены ответы (% от общего числа респондентов по каждой группе; в числителе – по отношению к мужчинам, в знаменателе – к женщинам):

Таблица 20

Варианты ответов	Среднее	Надым	Нижевартовск	Челябинск	Самара
Он просто необходим до брака	32 / 14	25 / 11	46 / 23	37 / 18	19 / 8
В нем нет особой необ-	49 / 52	56 / 57	39 / 44	44 / 47	64 / 58

ходимости, но нет и ничего плохого					
Этого нельзя допускать	4 / 14	4 / 13	3 / 13	3 / 8	4 / 16
Трудно сказать	13 / 18	10 / 15	12 / 20	14 / 23	9 / 12

Подавляющая часть отцов и матерей (около 70–80 %) не видит ничего предосудительного в том, что их сыновья и дочери получают «первые уроки любви» до вступления в официальные брачные отношения. Лишь 4 % родителей юношей и 14 % родителей девушек считают добрачные половые отношения половой распущенностью, которую допускать нельзя «ни в коем разе». Как показывает практика, подобные запретительные позиции, как правило, остаются благими пожеланиями на фоне самостоятельных решений и поступков их детей. Семейно-брачная мораль родителей из разных регионов РФ в этом плане практически идентична.

Каковы мнения родителей о формах приобщения подростков к нормам семейной жизни? Вопрос был сформулирован следующим образом: «Как Вы считаете, необходим ли в школах для учащихся средних и старших классов предмет «Этика и психология семейных отношений»? (в % от общего числа по каждой группе):

Таблица 21

Регион	Нужны ли в школе «семейные уроки»			
	Да, необходим	Больше за, чем против	Больше против, чем за	Против
В целом	73	21	3,5	2,0
В том числе по регионам:				
Крайний Север	75	20	1,9	2,2
Надым	79	17	1,3	2,0
Нижневартовск	72	23	2,3	2,3
Средний Урал	75	19	4,4	1,0
Екатеринбург	75	18	4,5	0,7
Полевской	74	20	4,2	1,4

Южный Урал	79	16	3,0	1,5
Челябинск	76	18	4,3	0,9
Аша	80	15	1,9	1,9
Самара	58	30	8	3,4
Чита	65	29	2,0	4,1

В «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г.)» отмечается, что по сравнению с 1990 годом количество зарегистрированных браков в 2000 году снизилось почти на треть. Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически не оформленных браков привела к тому, что в 2000 году каждый четвертый ребенок родился вне брака [3].

Насколько приемлют родители гражданский брак своих детей? В исследовании «*Семья–1999*» на вопрос «*Как бы Вы отнеслись к гражданскому браку своих детей (брак без оформления в загсе)?*» ответы родителей из различных регионов РФ распределились так (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Таблица 22

Регион	Не осуждаю	Допускаю по обстоятельствам	Осуждаю категорически
В целом	20	59	20
В том числе:			
Надым	15	60	23
Нижневартовск	27	56	17
Екатеринбург	21	69	18
Челябинск	10	68	20
Аша	13	55	29
Самара	21	58	19
Чита	23	58	16

И в ответах на этот вопрос мы зафиксировали существенные (если не сказать кардинальные) подвижки общественного сознания россиян в сфере традиционной морали семейно-брачных отношений. Лишь каждый пятый опрошенный родитель категорически против добрачных половых отношений, тем более без оформления брачного союза. Подавляющая же часть родителей более рационально смотрит на эту сторону жизнедеятельности своих взрослеющих детей, большинство из них даже при желании не могут внести свои благонравные коррективы в предбрачное поведение детей и предпочитают «не плыть против течения». Как показывают опросы родителей-северян, проведенные социологами Института экономики УрО РАН, матери и особенно отцы (1998 г., опрошено 690 родителей) мало осведомлены в вопросах сексуально-психологического просвещения и тем более – поведения своих взрослеющих детей. На вопрос анкеты *«Разговариваете ли Вы со своими детьми об их будущей семейной жизни, материнстве, об отношениях между мужчинами и женщинами?»* родители дали следующие ответы (% от числа опрошенных по группам):

Таблица 29

Варианты ответов	отцы	матери
Пока таких разговоров не было	37	25
Беседы были	57	71
Не ответили на вопрос	6	4

Почти в каждой третьей семье с подростком даже не говорили на такую важную для него тему. И это в том возрасте, когда у юношей и девушек появляется стремление к половым контактам! Не случайно немало подростков увлекается эротическими и порнографическими фильмами, при этом одна из учениц 9 класса пояснила: «Нигде не узнаешь того, что в фильмах, если только – от подруги».

Образовательная и культурно-просветительская деятельность социальных институтов, связанных с процессом социализации молодых поколений, может стать важным резервом в деле подготовки молодежи к вступлению в брак и се-

мейной жизни. Практика многих десятилетий прошлого века доказывала эффективность целого ряда форм и средств организации этого семейного всеобуча. Среди них следует упомянуть довольно успешные попытки введения в школах факультатива «Этика и психология семейной жизни», попытки насыщения традиционных школьных дисциплин типа «Биология», «Физиология человека» и др., всевозможные курсы и школы для молодых людей перед вступлением в брак, для молодоженов, молодых женщин, готовящихся стать матерями и др. Вместе с тем нельзя ставить знак равенства между уровнем образования супругов и благополучием развития семейного союза, его стабильностью

Тенденция к автономизации процессов социализации от других видов общественной воспроизводственной деятельности сопровождается, с одной стороны, соответствующим изменением функций ее «естественных» агентов, в первую очередь родителей, родственников, братьев и сестер и др. (*семейное воспитание*), а с другой – появлением специализированных социальных институтов, осуществляющих воспитание и обучение детей – детских дошкольных учреждений, школ, профессиональных училищ и т. п. (*общественное воспитание*), которые вступают в сложные и противоречивые отношения. Значимость таких отношений соотносится с конкретными фазами жизненного цикла формирующейся личности: до какого-то возраста ребенок воспитывается в семье, а затем переходит в специализированный институт [36, с. 121].

В процессе урбанизации и индустриализации значение общественных институтов как средство социализации неуклонно возрастает. «Центр тяжести» воспитания нового члена общества все более перемещается в сферу специализированных общественных (государственных) институтов, функционирование которых требует, в свою очередь, управления и систематической координации усилий отдельных институтов. Можно ли безапелляционно относить этот процесс к разряду «прогрессивных» в силу того, что дифференциация институтов социализации обеспечивает определенные предпосылки для формирования более творческой и

высококвалифицированной личности, так как членение функций воспитания позволяет повысить качество отдельных воспитательных услуг, квалификацию субъектов процесса социализации? Попытаемся ответить на этот вопрос через призму соотношения социально-типического и индивидуального в процессе воспроизводства человеческой личности.

В современных условиях семейное влияние уравнивается, а зачастую и перевешивается воздействиями многих других социальных институтов, средств массовой культуры и информации, друзей, сверстников, внешкольных и внесемейных организаций. В попытках разрешить это противоречие возникают различные общественные движения. Например, в США – движение за семейное образование; с помощью специальных компьютерных программ родители обучают своих детей [36]. По-видимому, для наиболее адекватного решения этой сложной проблемы недостаточно компьютерных технологий, необходимо учитывать согласованность интересов личности, семьи и общества. Соответственно «критерий воспитания детей должен содержать наилучшее соотношение двух взглядов на социализированность детей – с точки зрения родителей, семьи и с точки зрения общества, общности [125, с. 185].

Серьезную проблему в воспитании молодых россиян на современном этапе исторического развития представляет симбиоз семейных и общественных форм воспитания. Прежде всего, посмотрим, как относятся молодые родители к возможности подмены семейного воспитания общественными формами организации жизнедеятельности детей? Обратимся к результатам опросов молодых родителей, проведенных социологами Института экономики УрО РАН в городах Новом Уренгое (1999 г., 434 молодых супруга) и Надыме (2002 г., 320 супругов). Вот мнение молодых северян по поводу желаемого варианта воспитания их детей (% от общего числа опрошенных по каждому городу):

Таблица 23

Варианты воспитания детей	Надым	Н. Уренгой
В родительском доме	57	33
В муниципальном детском учреждении	25	29
В частном детском саду	13	27
У бабушки	3	4
В круглогодичном интернате	0,3	0,9
Затрудняюсь ответить	3	6

Если говорить о надымчанах, то большая их часть голосует за «чисто» семейное воспитание – вариант «в родительском доме» (57 %). Менее склонны к домашним вариантам воспитания молодые новоуренгойцы (33 %). Сравнительно большое число голосов, отданное вариантам воспитания детей «в муниципальном детском учреждении» и «в частном детском саду», свидетельствует не об отрицании семейного воспитания, а о необходимости его совмещения (дополнения) с общественными формами ухода и надзора за детьми. Для молодых семей северян такое совмещение особо актуально, по крайней мере, в силу двух обстоятельств:

- 1) отсутствие у большинства семей возможности привлекать к воспитанию детей их родных дедушек и бабушек;
- 2) нежелание многих молодых матерей прерывать свою профессиональную деятельность и заниматься исключительно воспитанием ребенка и домашними делами.

Вместе с тем можно ли считать, что духовное становление молодого поколения идет лишь в рамках специализированных общественных институтов воспитания и обучения и в процессе развиваемых в них отношений? Очевидно, нет. Огромное, непреходящее влияние на формирование личности (особенно на этапе так называемой социализации) имеет среда ближайшего окружения, в первую очередь семья – первичная социально-бытовая ячейка общества. Ученые небезосновательно считают, что развитие интеллекта, способностей и склонностей индивида происходит главным образом в раннем возрасте (до двух-пяти лет) [63, с. 135]. При

этом главными агентами социализации в этот период выступают родители, родственники, осуществляющие уход за ребенком и его воспитание.

Небезынтересно обратиться к изучению некоторых расхожих формул в общественном и обыденном сознании, касающихся оценки перемен в сфере воспитания молодых поколений при смене парадигмы общественного развития. В анкете («*Семья–1997*») вопрос формулировался так: «*Как Вы считаете, когда было легче воспитывать (растить) ребенка, детей: раньше или теперь?*» Вот что мы получили в итоге (% от общего числа опрошенных екатеринбуржцев):

раньше было легче	43
сейчас появилось больше возможностей	15
одинаково трудно и сейчас, и раньше	37

Среди разделяющих мнение, что раньше (в эпоху социализма) воспитывать детей было легче, преобладают: представители более старших возрастных групп (начиная с сорокалетних таковых более 50 %, а среди пенсионеров – 63 %); респонденты из рабочих семей и семей пенсионеров (по 59 %), а также из семей интеллигенции (41 %); респонденты с минимальным уровнем доходов (53 % живущих на грани бедности и 64 % живущих за чертой бедности); опрошенные, имеющие двух (54 %) и трех (47 %) детей.

Мнение о том, что детей одинаково трудно воспитывать и сейчас и раньше, в большей мере разделяют: молодые респонденты (до 29 лет – 54 %, 30–39 лет – 35 %); представители студенческих семей (54 %) и семей интеллигенции (37 %); опрошенные, не имеющие детей (52 %).

Вариант «сейчас появилось больше возможностей» чаще других отметили: молодые респонденты до 39 лет; опрошенные, имеющие высшее образование (21 %); предприниматели (37 %); лица, живущие в полном достатке (61 %); бездетные респонденты (20 %) и респонденты, имеющие одного ребенка (16 %).

Полученные оценки степени трудности воспитания детей в советский период и в настоящий период экономических реформ вполне объяснимы утратой су-

ществовавших социальных гарантий детства: бесплатных учреждений дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, досуговых учреждений и форм летнего отдыха детей и т. д., а также общим снижением уровня и качества жизни большинства екатеринбуржцев [51, с. 83–84].

Наиболее рельефной тенденцией в семейно-брачных отношениях во второй половине прошлого столетия было уменьшение роли семейного воспитания по мере возрастания социализирующей функции общественных институтов – детских воспитательных учреждений, школ, вузов, средств массовой информации. Изменение функциональных родительских ролей было связано в первую очередь с внутрисемейной феминизацией воспитания, преобладанием материнских контактов с ребенком, резкого снижения воспитательной роли отца в семье. Социологами и педагогами подмечена закономерность: демократизация семейно-брачных отношений детерминировала и процесс демократизации воспитания детей, рост автономии поколений. С одной стороны, ушли в прошлое установки родителей, ставящие интересы детей выше своих собственных, с другой – часто дети не испытывают никаких обязанностей перед родителями, несмотря на то, что они дали им жизнь и подготовили к самостоятельности [196, с. 61].

На процесс социализации детей в семье влияет усиление автономии поколений, чему существенно способствуют технологическая и информационные революции. Обладающие более современной технологической культурой молодые работники на старте своей трудовой жизни имеют несомненное преимущество перед кадровыми работниками в сфере социально-профессиональной мобильности, в процессе приспособления (адаптации) к новым условиям общественного труда, что отчасти девальвирует профессионально-производственный опыт и культуру трудовой деятельности старших поколений. При этом ослабление внутрисемейных контактов сопровождается усилением солидарности в поколенческих группах (группах сверстников). О нарушении процесса преемственности поколений свидетельствуют ответы на следующий вопрос: *«Хотели бы Вы, чтобы Ваша семейная*

жизнь была похожа на жизнь ваших родителей?». Ответить на этот вопрос затруднились 13 % опрошенных в упоминавшемся уже нами опросе в г. Надыме в 2002 г. Подчеркнули вариант ответа «нет» 63 % молодых надымчан. И только 23 % респондентов хотели бы этого. В опросе 2003 г. в этом же регионе соотношение числа респондентов, желающих перенять семейный опыт родительских семей и отвергающих его, распределилось следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Таблица 24

Варианты ответов	Группы		
	В среднем	в том числе:	
		Надым	поселки
Да	23	23	25
Нет	62	61	64
Затрудняюсь ответить	14	16	11

За последние полтора десятилетия существенно изменилась жизнь нашего общества, и семейная в том числе. Новое поколение россиян считает себя достаточно самостоятельным: 44 % заявили, что вполне могут прожить без поддержки родителей, еще 25 % считают, что «скорее смогут». И лишь четверти респондентов эта поддержка необходима. Тем не менее, как показывают исследования, родительская помощь в настоящее время ощущается во многих молодых семьях и далеко не всегда материальная. О характере взаимосотрудничества молодых и родительских семей в г. Надыме можно судить по данным упоминавшегося опроса 2002 г. (% от общего числа опрошенных – 320 чел.):

помощь в виде советов	42
помощь в присмотре и уходе за детьми	36
материальная помощь время от времени	33
помощь в ведении домашнего хозяйства	7
регулярная материальная помощь	5
другое	6
никакой помощи	21

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т. п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Симптоматично, что в числе приоритетных задач демографического развития населения Российской Федерации в «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» названо всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности. Сегодня особого внимания требуют новые подходы к гигиеническому и нравственному воспитанию молодежи, особенно подростков, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В демографическом поведении семьи следует различать процессы, с одной стороны, эволюционные, отражающие исторические подвижки и трансформации в культурных, моральных нормах, традициях, обычаях, а с другой – деструктивные, связанные с социально-экономическим кризисом, деградацией духовной жизни и, как следствие, вынужденностью семейной группы под давлением внешних обстоятельств корректировать свое репродуктивное поведение.

Распространенность утверждений о кризисности процессов, происходящих в российских социальных институтах брака и семьи, во многом является гипертрофированной. Как показывают исследования, речь идет, прежде всего, о степени приверженности общества и личности тем нормам (моральным, культурным), которые составляют основу этих институтов и обеспечивают их безопасность. Прежде всего, имеются в виду нормы репродуктивного, социализирующего поведения, деятельность родственников по обеспечению общим жильем, едой, одеждой; а также забота о слабых, больных членах семьи.

В цивилизованном обществе культура демографического поведения призвана активизировать и облагораживать весь спектр действий сообщества в процессе производства человека как основного составляющего компонента общего воспроизводственного процесса.

Эффективность реализации процесса преемственности поколений на уровне семейной группы в условиях современной России зависит от экономической и политической стабильности в государстве; от состояния социальной инфраструктуры городов и поселений, обеспечивающих многосторонний процесс жизнедеятельности и социализации детей, подростков, молодых людей; от снижения в обществе социальных рисков в сфере образовательной и досуговой деятельности.

Анализ социокультурного смысла демографического поведения семьи позволяет выявить основные причины и условия снижения уровня ее репродуктивных установок, ограничение которых выступает следствием столкновения потен-

циальных родителей с социально-экономическими трудностями поддержания достойного уровня жизни и безразличием общества к решению проблем семей с детьми.

Характер и направление социализации российской молодежи конца XX – начала XXI вв., формирование ее ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений в значительной мере обусловлены состоянием аномии, которое сопровождает трансформацию культуры общественной системы. Существует противоречие между определяющим значением высших общечеловеческих ценностей (образцов), с одной стороны, и поведенческими нормами, социальными стереотипами и правилами, с другой.

Развитие явлений малодетности и сознательной бездетности в российском социуме – преимущественно следствие не только повышенной эгоистичности семейных групп и индивидов, но и отсутствия у них адекватного чувства самосохранения в процессе прогнозирования своей жизненной программы.

Резкое социальное расслоение российского общества, коммерциализация сферы образования, культуры и информационных услуг обусловили различные стартовые возможности для детей из различных групп семей в получении базового общего и профессионального образования, в реализации желаемой жизненной программы, возможности доступа к ценностям культуры и услугам в сфере самосохранительного поведения.

В условиях нарастания аномии общественных отношений семья все больше становится детерминантой формирования у взрослых и младших членов семьи опасных для личности, семьи и общества морально-нравственных ценностей, санкционирующих асоциальные и аморальные проявления (наркомания, половая распущенность, жестокость, противоправные действия).

Характер и направленность демографического поведения семейной группы – цель и средство социокультурной политики общества, формирование и реализация культуры демографического поведения семьи – симбиоз личностных, групповых и общественных интересов.

Активизация семейной политики в решении демографических проблем в регионе возможна лишь при условии обращения к семье (семейной группе) не только как к объекту социальной политики, но и как к субъекту формирования и реализации социальных проектов и акций с учетом особенностей различных групп семей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Конституция Российской Федерации.** – М. : «Проспект», 1999.
2. **Концепция «Сбережение населения Свердловской области на период до 2015 года».** Принята Постановлением Правительства Свердловской области от 6 июля 2001 г. № 393–01.
3. **Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года** (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г. № 1270-р // Российская газета. – 2001. – 16 окт.
4. **Об основных направлениях государственной семейной политики.** Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. – № 712.
5. **Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ** // Российская газета. – 2001. – 4 апр.
6. **Федеральная целевая программа «Дети-инвалиды» на 1998–2000 годы.** Постановление Правительства РФ от 19 сентября 1997 г. № 1207 // Российская газета. – 1997. – 23 окт.
7. **Федеральная целевая программа содействия занятости населения Российской Федерации на 1998–2000 годы.** Раздел: «Содействие занятости молодежи». – М., 1997.
8. **Аберкромби, Н.** Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; Пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1997.
9. **Агарков, Р.В.** Бедность: феномен, методы исследования и стратегия преодоления: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук. – Тюмень, 2001.
10. **Александрова, Т.Л.** Экономическое поведение и профессия: методология исследования: Автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра соц. наук. – Екатеринбург, 2000.
11. **Александрова, Т.Л.** Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и в Германии / Т.Л. Александрова,

Г.Е. Зборовский, В. Лемперт. – Екатеринбург : Уральский государственный профессионально-педагогический университет, 1996.

12. **Анисимов, С.А.** Развитие культуры производства и потребления: социологический анализ: Автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра соц. наук. – М., 1991.

13. **Анохин, А.А.** Региональные проблемы социального развития / А.А. Анохин. – Л., 1986.

14. **Антонов, А.И.** Семья, рыночная экономика, государство: кризис социальной политики / А.И. Антонов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1999. – №3.

15. **Антонов, А.И.** Школа на дому: частное дело или социальная необходимость / А.И. Антонов // Мир образования. – 1996. – №4.

16. **Антонов, А. И.** Семья как институт среди других социальных институтов / А.И. Антонов // Семья на пороге третьего тысячелетия. – М., 1995.

17. **Антонов, А.И.** Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М. : МГУ. – 1996.

18. **Афанасьев, В.Г.** Человек в управлении обществом / В.Г. Афанасьев. – М., 1970.

19. **Байлук, В.В.** Социальный детерминизм: категориальный анализ / В.В. Байлук. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983.

20. **Балабанова, Е.С.** Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук. – Екатеринбург, 1997.

21. **Балаян, З.** Дети карнавала / З. Балаян, В. Кузьмин // Лит. газета. – 1975. – 11 июня.

22. **Балыхин, Г.А.** Государственное возвратное субсидирование граждан на образовательные цели: концепция Министерства образования России / Г.А. Балыхин // Российский эконом. журн. – 2002. – №2.

23. **Баразгова, Е.С.** Американская социология (Традиции и современность). Курс лекций / Е.С. Баразгова. – Екатеринбург : «Деловая книга»; Бишкек: «Одиссей», 1997.
24. **Баранова, Д.В.** Устойчивость молодых семей: проблемы и перспективы (социологический анализ): Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2002.
25. **Барнс, Джилл Г.** Социальная работа с семьями в Англии / Джилл Г. Барнс. – М., 1993.
26. **Белкин В.Н.** Методологическое и организационно-методическое обеспечение работы над концепцией развития народонаселения Челябинской области до 2010 года / В.Н. Белкин, В.Н. Козлов, Б.С. Павлов (Демографическая политика в регионе). – Свердловск–Челябинск : Ин-т экономики УрО АН СССР, 1990.
27. **Бобков, В.** Адресная социальная поддержка населения: первые итоги осуществления пилотных программ / В. Бобков // Человек и труд. – 2000. – №6.
28. **Бодня, Т.С.** Проблемы социального воспроизводства человека в условиях научно-технической революции /Т.С. Бодня // Общественное развитие и НТР. Очерки методологии исследования. – Л. : Наука, 1982.
29. **Большой энциклопедический словарь.** 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : «Норинт», 1997.
30. **Бородин, Е.Т.** Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества / Е.Т. Бородин // Филос. науки. – 1976. – №2.
31. **Брачность, рождаемость, семья за три века:** Сб. статей / Под. ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. – М. : Статистика, 1979.
32. **Бреева, Е.Б.** Дети в современном обществе / Е.Б. Бреева. – М. : Эдиториал УРСС, 1999.
33. **Буева, Л.П.** НТР и проблемы интенсификации «общественного воспроизводства» человека / Л.П. Буева // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. – М. : Наука, 1983.

34. **Бурдьё, П.** Социология политики / П. Бурдьё; Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993.
35. **Быкова, С.Н.** Бедность по-русски и по-итальянски / С.Н. Быкова, В.П. Любин // СОЦИС. – 1993. – № 2.
36. **Валиева, С.Ф.** Роль семьи в процессе социализации ребенка / С.Ф. Валиева // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – № 3.
37. **Васильев, К.** Любовь / К. Васильев. – М. : Прогресс, 1982.
38. **Васильева, Э.К.** Семья и ее функции (Демографо-статистический анализ) / Э.К. Васильева. – М. : Статистика, 1975.
39. **Вишневский, А.** Социальная защита или государственное благодеяние / А. Вишневский // Коммунист. – 1990. – № 14.
40. **Вишневский, А.** Смертность в России снижается / А. Вишневский, В. Школьников // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 1997. – №23.
41. **Возрождение Урала** (Екатеринбург). – 1997. – № 9, июнь.
42. **Волков, А.Г.** Семья – объект демографии / А.Г. Волков. – М. : Мысль, 1968.
43. **Волчкова, Л.Т.** Стратегии социологического исследования бедности / Л.Т. Волчкова, В.Н. Минина // СОЦИС. – 1999. – № 1.
44. **Гайдар, Е.** Новый курс / Е. Гайдар // Известия. – 1994. – 10 февр.
45. **Гегель, Ф.** Работы разных лет. В 2 т. Т. 1 / Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1971.
46. **Гегель, Ф.** Философия права. Соч. Т. 7. / Ф. Гегель. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1934.
47. **Гидденс, Э.** Девять тезисов о будущем социологии / Э. Гидденс // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – Зима 1993. – Т. 1. – Вып. 1.
48. **Гидденс, Э.** Социология: Учебник 90-х годов (реферированное издание) / Э. Гидденс. – Челябинск, 1991.
49. **Голосенко, А.И.** Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) / А. И. Голосенко // Социс. – 1996. – № 7.

50. **Гордон, Л.А.** Критерии бедности в современной России / Л.А. Гордон, Б.В. Головачев // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – М. : Инф. бюллетень. – 1994. – №6.

51. **Городская власть и горожане:** прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам массовых опросов населения г. Екатеринбурга. 1997–1998 гг. / Екатер. гор. Дума; Ин-т экон. УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во «Св-96», 1998.

52. **Гребениченко, Д.Х.** Благополучие и участие населения в социальных программах / Д.Х. Гребениченко, М.Д. Красильникова, Л.Н. Овчарова // ЭКО. – 2000. – № 11.

53. **Гуманистический подход к охране здоровья** / Отв. ред. Н. Берковитц; Пер. с англ. под ред. К.В. Григорьева. – М. : Аспект Пресс, 1998.

54. **Гуревич, П.С.** Культурология. Учеб. пособие. / П.С. Гуревич. – М. : Знание, 1996.

55. **Даль, В.И.** Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М. : Изд-во ЭКСМО Пресс, 2001.

56. **Двадцать дел Правительства России на 1998 год** в области и экономической политики // Российская газета. – 1998. – 28 янв.

57. **Демографическая политика:** осуществление и совершенствование в условиях развитого социализма. – Киев : Наукова думка, 1982.

58. **Демографический энциклопедический словарь.** – М., 1985.

59. **Демографическое развитие семьи :** Сб. статей / Под. ред. А.Г. Волкова. – М. : Статистика, 1979.

60. **Диагностика социокультурных процессов и концепция культурной политики** / Отв. ред. А.Ф. Суховей. – Свердловск, 1991.

61. **Доклад Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина** // Российская газета. – 1992. – 8 апр.

62. Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин. – 1995. 4–15 сентября, Пекин, ООН. – Октябрь, 1995.
63. Дубинин, Н.П. Что такое человек / Н.П. Дубинин. – М. : Мысль, 1983.
64. Духовное производство. Социально-философский аспект духовной деятельности. – М. : Наука, 1981.
65. Елизаров, В.В. Уровень жизни, семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России / В.В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 6.
66. Ермаков, Ю.А. Социально-политические манипуляции личностью: сущность, технологии, результаты: Автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра. филос.наук. – Екатеринбург, 1995.
67. Заиграев, Г.Г. Государственная политика как фактор алкоголизации населения / Г.Г. Заиграев // Социс. – 1997. – № 4.
68. Записка об основных итогах, выводах и рекомендациях Всероссийского семинара-совещания «Формы и методы реализации социальной политики и федеральных социальных программ на региональном и муниципальном уровне». – М. : РАГС при Президенте Российской Федерации, 2002.
69. Заславская, Т.И. Преодоление социальных различий между городом и деревней как объект междисциплинарного исследования / Т.И. Заславская // Социальная география СССР. – Л., 1984.
70. Заславская, Т.И. Решающее условие ускорения социально-экономического развития / Т.И. Зпславская // ЭКО. – 1986. – № 3.
71. Захаров, С.В. Пенсионная реформа и солидарность поколений в обществе и семье / С.В. Захаров, Е.И. Иванова // ЭКО. – 2000. – № 10.
72. Зиганшин, М.М. Пока есть болезнь, нужна медицина / М.М. Зиганшин // Вечерняя Уфа. – 1995. – Февраль.
73. И в полночь ваши денежки заколосятся где? // Уральский рабочий. – 1994. – 11 мая.

74. **Иванов, О.И.** Проблема социального воспроизводства человека и теория социализации / О.И. Иванов // Социологические проблемы семьи и молодежь. – Л., 1972.

75. **Иванько, Л.И.** К. Маркс о потреблении как социологической категории / Л.И. Иванько // Филос. науки. – 1974. – № 1.

76. **Икингрин, Е.Н.** Особенности социальной защиты населения северных городов в условиях трансформации общества: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук. – Уфа, 2000.

77. **Ионин, Л.Г.** Социология культуры: Учеб. Пособие / Л.Г. Ионин. – М. : Логос, 1996.

78. **Климантова, Г.** Семья в процессе трансформации российского общества / Г. Климантова // Общество и экономика. – 1999. – № 10–11.

79. **Коган, Л.Н.** Очерки теории социалистической культуры / Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневецкий. – Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1972.

80. **Коган, Л.Н.** Молодой рабочий: вчера, сегодня / Л.Н. Коган, Б.С. Павлов. – Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1976.

81. **Константиновский, Д.Л.** Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Д.Л. Константиновский. – М. : УРСС, 1999.

82. **Кочуркова, О.В.** Бедные семьи Крайнего Севера: методология и опыт эмпирического исследования: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2000.

83. **Кравченко, А.И.** Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / А.И. Кравченко. – М. : Академия, 1997.

84. **Кто из нас рискует стать «новыми бедными»** // Известия. – 1996. – 17 янв.

85. **Кузьмин, А.И.** Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути) / А.И. Кузьмин. – Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993.

86. **Кукушкина, Е.И.** Семья и семейные традиции в современной глобалистике / Е.И. Кукушкина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2000. – № 1.

87. **Культура семьи как объект социологического исследования.** [Сб. статей]. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1980.

88. **Культура:** Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1994.

89. **Культура:** Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890. – Т. 33. – М. : Terra, 1991.

90. **Культурология: теория и история культуры:** Курс лекций / Под ред. В.Ф. Мамонова. – Ч. 3. – Челябинск : Ин-т гуманитар. исслед. при Челяб. гос. пед. ун-те; Ин-т культурологии при Челяб. гос. ин-те искусства и культуры, 1997.

91. **Ламперт, Х.** Социальная рыночная экономика. Германский путь / Х. Ламперт. – М., 1996.

92. **Лангмейер Й.** Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. – Прага, 1984.

93. **Лебедев, П.Н.** Социализация индивида и воспроизводство общества / П.Н. Лебедев // Человек и общество. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1971.

94. **Ленин, В.И.** Полн. собр. соч. – 5-е изд.

95. **Лирика русской свадьбы.** – Л. : Наука, 1973.

96. **Лифанов, М.И.** Советская семья и дальнейшее ее укрепление / М.И. Лифанов. – Л. : Лениздат, 1964.

97. **Макаренко, А.С.** Соч. В 7 т. / А.С. Макаренко. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1991. – Т. 5.

98. **Маркова, Н.** Регионы России: итоги четырех лет экономических реформ / Н. Маркова // Экономист, 1996. – № 3.

99. **Маркс, К., Энгельс, Ф.** Соч. – 2-е изд.

100. **Марсиро, Ж.** История сексуальных ритуалов / Ж. Марсиро. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1998.
101. **Михайлов, Ст.** Общество като социологическа система (към въпроса за предмета на социологията) / Ст. Михайлов // Известия института по философия. БАН. – София, 1965. – Т.11.
102. **Михеева, А.Р.** Некоторые особенности современного процесса формирования семьи / А.Р. Михеева // ЭКО. – 1999. – № 9.
103. **Молодежь в зеркале общественного мнения** // Социологическое обозрение. – Вып. 5. – М. : Управление Президента РФ по связям с общественностью. Социол. отдел, 1998.
104. **Молодежь в кризисном социуме** / Под ред. Р.Т. Насибуллина. – М., 1995.
105. **Мудрость столетий: Энциклопедия афоризмов.** – М. : АО «СТОЛЕТИЕ», 1997.
106. **Назарова, И.Б.** О здоровье населения в современной России / И.Б. Назарова // Социс, 1998. – № 11.
107. **Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы** / Под общ. ред. М.Е. Поздняковой; Институт социологии РАН. – М. : Ин. Социол. РАН, 1999.
108. **Население СССР. 1988.** Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1989.
109. **Немцов, Б.Е.** Правительству абсолютно ясно, как и что делать дальше / Б.Е. Немцов // Известия. – 1998. – 20 янв.
110. **Нитти, Ф.** Народонаселение и общественный строй / Ф. Нитти. – СПб, 1898.
111. **Нойберт, Р.** Новая книга о супружестве / Р. Нойберт. – М. : Прогресс, 1967.
112. **О положении семей в Российской Федерации.** – М., 1994.
113. **Обуховский, К.** Психология влечений человека / К. Обуховский. – М. : Прогресс, 1972.
114. **Обыденнова Т.Б.** Средний класс и его работа / Т.Б. Обыденнова // Социс, 2000. – №3.

115. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994.

116. **Орлова, Э.А.** Некоторые аспекты концепции социокультурной политики в условиях модернизации / Э.А. Орлова // Организационно-управленческие и финансово-правовые аспекты культурной политики. – Вып. 1–3. – М. : ГИВЦ МК РФ, 1992.

117. **Социология культуры и социокультурная ситуация в СССР: «Круглый стол»** // Социс. – 1991. – № 11.

118. **Осторожно: реклама!** // Российская газета. – 1994. – 6 мая.

119. **Ошавков, Ж.** Социологията като наука / Ж. Ошавков. – София, 1970.

120. **Павлов, Б.С.** Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. Часть I. Вопросы теории и практики социологического анализа / Б.С. Павлов, Э.Г. Колунина. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2004.

121. **Павлов, Б.С.** Производство и воспроизводство человеческого общества как общесоциологические понятия / Б.С. Павлов. – Свердловск : ИЭ УНЦ АН СССР, 1985.

122. **Павлов, Б.С.** О понятии «производство человека»: краткий социологический экскурс / Б.С. Павлов // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. – В 2-х ч. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. – Ч.1.

123. **Павлов, Б.С.** Социология: проблемы семьи. Учеб. пособие. Часть I / Б.С. Павлов. – Челябинск : Академэкоцентр УрО РАН, 1992.

124. **Панов, В.Г.** Что следует понимать под производством непосредственной жизни общества / В.Г. Панов // Филос. науки, 1963. – № 3.

125. **Пармон, Э.А.** Нравственно-психологический климат семьи и его влияние на формирование личности / Э.А. Парамон. – М., 1988.

126. **Пирогов, Н.И.** Избранные педагогические сочинения / Н.И. Пирогов. – М. : Изд-во АПН СССР, 1962.

127. **Плахов, В.Д.** Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования / В.Д. Плахов. – М. : Мысль, 1982.

128. **Положение детей в Российской Федерации.** Государственный ежегодный доклад. 1993 год. – М., 1994.

129. **Попеное, Д.** Упадок американской семьи (1960–1990): Обзор и оценка (фрагменты статьи) / Д. Попеное // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология, 1996. – № 3.

130. **Пособия для семей с двумя родителями:** предложение труда и участие в программах поддержки безработных семей с зависимыми детьми. Welfare transfers in two-parent families: Labor supply and welfare participation under AFDC-UP / Hoynes Hilary Williamson // Econometrica. – 1996. – 64. – № 2.

131. **Проблемы комплексного изучения семьи** // Социс, 2000. – № 4.

132. **Пробст, Л.Э.** Влияние основных субъектов социализации на формирование ценностных ориентаций детей (социологический аспект): Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. социол. наук. – Екатеринбург, 1997.

133. **Прогнозное социальное проектирование:** методологические и методические проблемы. – М., 1989.

134. **Пронина, Е.И.** Причины детской занятости в Москве / Е.И. Пронина // Социс, 2000. – № 1.

135. **Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов** (Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1997 г.) // Российская газета. – 1997. – 12 марта.

136. **Работодатель, государственная служба занятости – партнеры на рынке труда:** Проблемы и решения: Материалы научно-практической конференции в рамках Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». – Новосибирск : ФГСЗ по НСО, 1999.

137. **Радаев, В.В.** Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. Пособие / В.В. Радаев. – М. : Аспект Пресс, 1998.

138. **Развитие личности ребенка.** – М., 1987.
139. **Реформирование России: мифы и реальность (1989–1994).** – М. : Academia, 1994.
140. **Римашевская, Н.М.** Сколько сбережений у российского населения? / Н.М. Римашевская // Власть, 1998. – № 3.
141. **Римашевская, Н.М.** Социальные последствия экономических трансформаций в России / Н.М. Римашевская // Социс, 1997. – № 6.
142. **Римашевская, Н.М.** Социальные проблемы в условиях формирования рыночных отношений в России: «хотелось как лучше, а получилось как всегда» / Н.М. Римашевская // Экономические реформы в России и КНР: проблемы и перспективы. – М. : Экономика, 2000.
143. **Россет, Э.** Процесс старения населения: демографическое исследование / Э. Россет. – М. : Статистика, 1968.
144. **Россия: поиск пути:** Материалы всероссийской конференции. – М. : Изд-во «Научная книга», 1999.
145. **Ружже, В.Л.** Структура и функции семейных групп / В.Л. Ружже, И.И. Елисеева, Т.С. Кадибур. – М. : Финансы и статистика, 1983.
146. **Рутвальтер, Д.** Социальная динамика и формирование среднего класса / Д. Рутвальтер // Власть, 1996. – № 12.
147. **Сборник статистических материалов. 1988** / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1989.
148. **Свердлов, Г.М.** О предмете и системе социалистического семейного права / Г.М. Свердлов // Советское государство и право, 1941. – № 1.
149. **Семенов, Ю.И.** Происхождение брака и семьи. – М. : Мысль, 1974.
150. **Семья в северном городе: перспективы развития** (на материалах социологического исследования в г. Надыме). – Екатеринбург–Надым, 1994.
151. **Семья: прошлое и настоящее.** Редакционная статья // Курьер Юнеско, 1989. – Сент.

152. **Система профессионального образования в Российской Федерации:** Доклад. – М. : Центр изучения проблем профессионального образования, 2001.
153. **Словарь по этике** / Под ред. И.С. Кона. – Изд. 3-е. – М. : Политиздат, 1975.
154. **Смелзер, Н.** Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. – М. : Феникс, 1994.
155. **Советский энциклопедический словарь.** – М. : Советская энциклопедия, 1979.
156. **Современная западная социология:** Словарь. – М. : Политиздат, 1990.
157. **Соколов, Д.К.** Человек в большом городе / Д.К. Соколов. – Челябинск, 1973.
158. **Сорокин, П.А.** Кризис современной семьи / П.А. Сорокин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология, 1997. – № 3.
159. **Сорокин, П.А.** Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. – СПб., 1916. – № 3.
160. **Социальная защита детей-инвалидов в регионе** (на материалах социологических исследований в Челябинской области) . – Челябинск: Ин-т экономики УрО РАН; Челяб. гос. ун-т, 1998.
161. **Социальная защита населения в регионе:** Учеб. Пособие / Под общ. ред. д-ра соц. наук В.Г. Попова. – Екатеринбург: УрАГС, 1999.
162. Социальная поляризация, экономическая реструктуризация и режим государственного социального обеспечения [Великобритания]. Social polarization economic restructuring and welfare state regimes / Hamnett Chris // Urb. Stud, 1996. – 33. № 8.
163. **Социальная статистика:** Учебник / Под ред. чл.-корр. РАН И.И. Елисеевой. – М. : Финансы и статистика, 1997.
164. **Социальные ориентиры обновления: общество и человек.** – М., 1990.

165. **Социальные проблемы Югры** (Сборник аналитических и статистических материалов). – Ханты-Мансийск, 1997.
166. **Социологический энциклопедический словарь**. – М.: Изд. гр. ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
167. **Социология в России**. – М., 1996.
168. **Сохно, А.В.** Здоровье как социальная ценность / А.В. Сохно. – М.: Мысль, 1989.
169. **Спенсер, Г.** Основание социологии. Т. 2. / Г. Спенсер. – Спб., 1898.
170. **Справка о численности граждан и ориентировочных затратах для компенсаций и льгот пострадавших от радиационного воздействия в результате аварийных ситуаций на производственном объединении «Маяк» от 18.08.92 г.** (Совместная справка администраций Челябинской, Свердловской и Курганской областей).
171. **СССР: демографический диагноз**. – М.: Прогресс, 1990.
172. **Суханов, И.В.** Обычаи, традиции и преемственность поколений / И.В. Сухачев. – М.: Политиздат, 1976.
173. **Сухомлинский, В.А.** О воспитании / В.А. Сухомлинский. – М.: Политиздат, 1973.
174. **Сухомлинский, В.А.** Рождение гражданина / В.А. Сухомлинский. – М.: Политиздат, 1971.
175. **Татаркин, А.И.** Социально-экономические проблемы формирования рыночных отношений на территории / А.И. Татаркин // Проблемы региональной политики в условиях формирования рыночных отношений. – Челябинск, 1993.
176. **Текущие архивы Отдела экономической социологии Института экономики УрО РАН (1985–2003 гг.)**.
177. **Титова, М.А.** Социально-символическая интерпретация функции отца в процессе социализации ребенка / М.А. Титова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология, 1997. – № 3.

178. **Ткаченко, А.** Комментарий специалиста / А.Ткаченко // Социальная защита, 1995. – № 6.
179. **Тонких, Л.** Адресная помощь совершенствуется // Социальное обеспечение, 1997. – № 8.
180. **Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв.** – Екатеринбург : УрО РАН, 1996.
181. **Уледов, А.К.** Социологические законы / А.К. Уледов. – М. : Мысль, 1975.
182. **Умом и сердцем: мысли о воспитании.** – М. : Политиздат, 1980.
183. **Урланис, Б.Ц.** Так начиналась российская демография / Б.Ц. Урланис. – М. : Мысль, 1985.
184. **Философский энциклопедический словарь.** – М. : Советская энциклопедия, 1983.
185. **Флиер, А.Я.** О новой культурной политике России / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность, 1994. – № 5.
186. **Флиер, А.Я.** Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М. : Академический проект, 2000.
187. **Флиер, А.Я.** Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность, 2002. – № 1.
188. **Формы и методы реализации социальной политики** и федеральных социальных программ на региональном и муниципальном уровне. Записка об основных выводах и рекомендациях Всероссийского семинара-совещания. – М. : РАГС, 2002.
189. **Фролов, И.Т.** Перспективы человека / И.Т. Фролов. – М., 1983.
190. **Фромм, Э.** Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.
191. **Харди, И.** **Врач, сестра, больно.** Психология работы с больными / И. Харди. – Будапешт, 1981.

192. **Харчев, А.Г.** Быт и семья в социалистическом обществе / А.Г. Харчев. – Л., 1968.
193. **Хенкин, С.** Социальная напряженность в российском интерьере / С. Хенкин // Власть, 1997. – № 4.
194. **Чепуренко, А.** Что такое «средний класс»? / А. Чепуренко // Комсомольская правда, 2001. – 26 янв.
195. **Чернышевский, Н.Г.** Полн. собр. Соч / Н.Г. Чернышевский. – М., 1949. – Т.9.
196. **Черняк, Е.М.** Социология семьи / Е.М. Черняк. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2003.
197. **Чертков, В.** О любви. Беседы философа с писателем / В. Чертков. – М. : Моск. рабочий, 1964.
198. **Чехов, А.П.** Полн. собр. соч. В 18 т. / А.П. Чехов. – М., 1987. – Т.17.
199. **Чокич, Е.** Особенности брачно-семейных процессов и семейной политики государства в 40-е годы / Е. Чокич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. – № 3.
200. **Шапкина, Н.В.** Социологический анализ реабилитации детей с ограниченными возможностями: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. – Саратов, 1997.
201. **Шереги, Ф.Э.** Социология образования: прикладной аспект / Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчева, В.В. Сериков. – М. : Юристъ, 1997.
202. **Шерстюк, М.А.** Экологические условия Крайнего Севера и здоровье школьников Севера / М.А. Шерстюк, А.А Шерстюк // Физкультурное образование Сибири. Научно-методический журнал, 1996. – № 1.
203. **Энциклопедический социологический словарь** / Под общей ред. Г.В. Осипова. – М. : Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 1995.
204. **Энциклопедия афоризмов (Мысль в словах)** / Худож. Ю.Д. Феличкин. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.

205. **Эстетическая культура советского человека /** Под ред. М.С. Кагана. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976.

206. **Die Zeit. 1975. 14 Okt.**

207. **Gershuny J. After Industrial Society. London, Macniillan. 1978.**

208. OHSAS 18001–1999 (3.3, 3.14, 3.17)

Учебное электронное текстовое издание

**Соколова Эльвира Геннадьевна
Павлов Борис Сергеевич**

**КУЛЬТУРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ
КАК ОБЪЕКТ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

Подготовлено к публикации *А. В. Ерофеевой*

**Рекомендовано РИС ГОУ ВПО УГТУ–УПИ
Разрешен к публикации 04.06.09
Электронный формат – pdf
Объем 6,45 уч.-изд. л.**

**Издательство ГОУ ВПО УГТУ–УПИ
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19**

**Информационный портал
ГОУ ВПО УГТУ–УПИ
<http://www.ustu.ru>**